

ДЖУЛИЯ ЭНН ЛОНГ

Граф-пират



ШАРМ

Джулия Лонг

Граф-пират

«АСТ»

2012

Лонг Д. Э.

Граф-пират / Д. Э. Лонг — «АСТ», 2012

Дикарем и безумцем считали светские дамы графа Эрдмея – слишком уж широко гремела его слава пиратского капитана, считавшегося грозой Южных морей. Знатные женщины любят опасных мужчин – и недостатка в любовницах, ищущих развлечения от скуки, у графа не было. Но устраивало ли его такое существование? Не вполне. И когда в его жизнь ворвалась юная и отважная Вайолет Редмонд, Эрдмей понял – нет человека, ожесточенного настолько, чтобы устоять перед чарами любви.

© Лонг Д. Э., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джулия Энн Лонг Граф-пират

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.;

© Julie Anne Long, 2010

© Перевод, Е.А. Моисеева, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Глава 1

– Он похож на скучающего льва, который лениво бродит среди стада гусей. Он терпит весь этот шум и суету, пока не решит, в кого из нас вонзится зубы.

Мисс Вайолет Редмонд взглянула поверх веера на новоиспеченного графа Эрдмея и поделилась своим мнением с тремя дамами: прелестными белокурами сестрами Харт, Миллисент и Эми – они, затаив дыхание, слушали каждое ее слово – и с замужней леди Перегрин, не выносившей, когда Вайолет оказывалась в центре внимания. А это случалось часто, ведь дочь богатого и влиятельного Айзайи Редмонда была красива и своенравна.

Леди Перегрин не преминула заметить:

– Зубы, мисс Редмонд? Да я бы с удовольствием сжала его ногами.

Сестры Харт ахнули и захихикали.

Вайолет с трудом подавила зевок.

Они занимали лучшие места рядом с бутылкой ратафии в бальном зале лорда и леди Трокмортон. Гостей, как всегда, было много. Сестры вертелись рядом с Вайолет, мечтая оказаться на ее месте. Леди Перегрин не отставала, желая, чтобы ее видели вместе с ней. И как обычно, даже в толчее Вайолет замечала, кто пришел и кто отсутствует. Ее родители, Айзайя и Фаншетта Редмонд, а также брат Джонатан были в зале. Лучшая подруга Синтия с братом Вайолет Майлзом, которые лишь недавно обвенчаны, остались в Пенниройял-Грин, в Суссексе.

Естественно, всего заметнее было отсутствие брата Вайолет, Лайона, весьма многообещающего молодого человека, по мнению света, и наследника Редмондов, который исчез больше года назад, забрав с собой лишь одежду и маленькую шкатулку из палисандрового дерева, сделанную им в детстве.

Причина его исчезновения была очевидна: Оливия, старшая дочь в семействе Эверси, старинных врагов Редмондов, стояла сейчас посреди зала в зеленом платье, изящная, бледная и серьезная. Оливия всегда была серьезной, даже сердитой. Она посвятила себя служению в различных обществах. Она даже раздавала брошюры, ратующие за отмену рабства, в пабе «Свинья и чертополох», к смущению хозяина, Неда Готорна.

И теперь Оливия была на балу, а Лайон нет. Она разбила ему сердце. Говорили, что проклятие исполнилось: в каждом новом поколении Эверси и Редмондов кто-то должен был пострадать от несчастной любви.

Вайолет решила больше не смотреть на Оливию, чтобы ее взгляд случайно не прожег дыру в зеленом платье.

– Мы должны притвориться, будто не сплетничаем. – Мисс Эми Харт только недавно вышла в свет и не знала, что подобное само собой разумеется.

– Наоборот, пусть гости так думают. Иначе как еще нам напугать и заинтриговать их?

Все энергично закивали, не уловив иронии в словах Вайолет.

– А почему лев? – поинтересовалась Миллисент. – Почему не медведь или гну?

– У гну копыта, дурочка, – усталым голосом объяснила Эми. – Его вряд ли можно назвать привлекательным. Хотя насчет этого человека я не уверена. Кажется, он все время хмурится. Говорят, он настоящий дикарь. – И она театрально поежилась.

– А я знаю! Все дело в его волосах. Они рыжеватые, – с придыханием произнесла Миллисент.

– Рыжеватые? – с напускным выражением тревоги на лице переспросила леди Перегрин. – Ты действительно это сказала, Миллисент? Я ведь тебя предупреждала, что стихи забьют тебе голову, и теперь ты бросаешься подобными словами. Кажется, только вчера ты назвала утренний туман тонкой дымкой, я права?

Миллисент пристыженно опустила голову.

– Милая, у него каштановые волосы, к тому же пышные. Теперь ты поняла. У тебя морщинки вокруг глаз, ты слишком часто шуришься, Миллисент. – Леди Перегрин указала на свои безупречные веки. – Возможно, тебе нужен монокль, чтобы его хорошенько разглядеть?

Все обратили задумчивые взоры на бедную Миллисент, которая принялась ощупывать несуществующие морщинки.

– Посмотри же на него как следует и, пожалуйста, шурься, если тебе так хочется, мы ведь не возражаем, правда, дамы? Видишь, он настоящий зверь, такой огромный. Говорят, его воспитывали в Америке. Я не удивлюсь, если его родителями были медведь и индианка.

– У кого теперь разыгралось воображение? – негодуя спросила Миллисент.

– И зачем ему титул, если он, как говорят, не собирается оставаться в Англии? Но у короля свои причуды. Что ты думаешь, Вайолет?

Вайолет, зная, что это остроумное обсуждение графа должно было удивить и поразить ее, поскольку сделать это было необычайно трудно, на самом деле скучала, невыносимо устав от бесконечных балов и праздников, и ей казалось, что она вот-вот заснет, но сделать это ей мешала ненависть находившихся рядом женщин.

А глаза у него, наверное, синие, подумала она.

Мерцание бесчисленных свечей и ламп в зале отражалось на шелковых платьях, тафте, драгоценностях, начищенной меди и мраморе, мешая смотреть. Но когда граф Эрдмей повернулся к ним, свет отразился в его глазах, словно в граненых алмазах. Они точно синие.

– Говорят, он совершил какой-то подвиг и этим заслужил свой титул, – наконец ответила Вайолет.

Подробности, однако, оставались тайной. Старинное графство, давно перешедшее от вымершего рода к Короне, о котором мечтали семьи Редмонд и Эверси, было восстановлено его величеством Георгом IV и вдруг совершенно неожиданно отдано загадочному, по слухам – выросшему в Америке, англичанину, капитану Флинту. Вне всякого сомнения, король упивался возможностью усмирить и держать в узде гордых Редмондов и Эверси, поскольку ничто другое не могло сломить их.

Вайолет медленно и лениво обмахивалась веером. Ее наблюдательная мать, беседующая с коренистой леди Уиндермир в тюрбане, сразу же заметит, что она замышляет какую-то проказу в присутствии знатных молодых людей, которые с настороженностью и восхищением смотрели на нее со всех сторон, надеясь и опасаясь заметить ее призывный взгляд. Книжки для записей пари в клубе «Уайтс» были заполнены невероятными домыслами об очередной причуде Вайолет Редмонд, поскольку она уже давно не совершала никаких безумных поступков. Однажды, например во время ссоры с поклонником, она угрожала броситься в колодец и уже перекинула ногу через край, но ее успели схватить под локти. В другой раз она вызвала мужчину на дуэль. В остальное время ее манеры были безупречны и изысканны, отчего всех еще сильнее изумляли ее выходки.

Только самые отчаянные решались делать ставки, кто может стать избранником Вайолет. Ухаживать за ней пытались многие, но все потерпели неудачу. Поражение некоторых было настоящим незабываемым. Для светских молодых людей Вайолет Редмонд являлась своего рода краем сказочных богатств. И она вселяла страх.

Вайолет решила, что новый граф действительно довольно высок, но не слишком. В зале нашлось бы несколько человек, которые могли бы встретиться с ним взглядом на одном уровне.

И он был очень большой.

В то время как брат Вайолет Майлз, тоже большой, чем-то напоминал нерушимую скалу, которую, однако, порой было легко проглядеть на фоне окружающего пейзажа, графа Эрдмея нельзя было назвать малозаметным. Он стоял, заложив руки за спину, небрежно согнув ногу в колене. В подобной позе стояли и другие беседующие мужчины. Но в нем было что-то особен-

ное. Простая одежда, отлично скроенная: коричневые брюки, белый широкий галстук, черный пиджак, чуть заметные светлые полосы на поясе.

Однако другие присутствующие джентльмены не могли не ощутить его физического превосходства, полного спокойствия и уверенности в себе.

Не говоря уже о том, что граф напрочь разрушал все представления о красоте, прочно укоренившиеся в сознании многих дам. Такое впечатление, будто в зал вкатили троянского коня. Фигура графа совершенно не вязалась с английским пейзажем.

– Такой нахмуренный лоб... Он действительно выглядит как дикарь, – задумчиво произнесла Вайолет. – Ему надо попробовать улыбнуться. Интересно, у него все зубы на месте? Кто-нибудь из вас видел его вблизи?

Оказалось, еще никто не имел возможности увидеть зубы графа, поэтому следует подослать к нему одну из дам, а возможно, сделать так, чтобы они танцевали вместе.

– Мне нравится его хмурый вид. Он словно прищурившись смотрит на солнце, стоя на носу корабля, а морской бриз развеивает его волосы, – мечтательно заметила Эми Харт.

– Но сердитые мужчины ужасно танцуют, – возразила Миллисент.

Вайолет не могла оставить подобную глупость без ответа и медленно повернулась к девушке.

– Ради всего святого, – произнесла она страдальческим тоном.

Миллисент заметно смутилась.

– Позвольте мне рассказать вам о величине мужских бедер и о том, что это указывает на доблесть, – вмешалась в разговор леди Перегрин, молчавшая уже несколько секунд. Сестры Харт немедленно повернулись к ней – ведь она, будучи замужней дамой, знала такое, чего не знали они.

Все трое заговорили разом, прямо как зажужжали осы, налетевшие на перезрелые фрукты. Вайолет ощутила сильную сонливость, словно сидела под лучами палящего солнца, и ей страшно захотелось уйти. Не так давно она со своим братом Джонатаном и двумя друзьями, Синтией и лордом Аргоси, ходила к цыганам, расположившимся табором на окраинах Пенниройял-Грин, чтобы они предсказали судьбу. Конечно же, ей предстояло в будущем длительное морское путешествие. Молодая цыганка Марта Эрон выкрикнула что-то неразборчивое, какое-то французское слово – наверное, имя. Тогда Вайолет восприняла все сказанное с иронией. Все знали, что Марта безумна и в то же время несколько кокетлива.

Сейчас же Вайолет решила, что с радостью отправилась бы в долгий путь подальше из бального зала.

– По-настоящему привлекательный и утонченный мужчина – это первый помощник капитана. Вы его видели? Наверное, французский аристократ, потерявший все состояние во время революции и вынужденный служить дикарю. Его зовут лорд Лавей. – Леди Перегрин не терпелось поделиться свежими сплетнями о новых гостях.

Вайолет вскинула голову и так пристально посмотрела на леди Перегрин, что у той вся кровь отхлынула от лица.

Все трое, затаив дыхание, напряженно ждали.

– Вы что-то задумали, милочка? – с трудом выдавила леди Перегрин. Кажется, она почти перестала дышать.

– Как, вы сказали, его имя? – вежливо осведомилась Вайолет.

Леди Перегрин взяла себя в руки, хотя почти дрожала в предвкушении очередного скандала.

– Я могу сделать кое-что получше, мисс Редмонд, – проворковала она. – Хотите, я вас представлю?

* * *

– Они похожи на гиен, набросившихся на труп животного, – заметил Флинт, когда лорд Лавей наконец вернулся со стаканом ратафии.

Лавей проследил за его взглядом, устремленным на молодых женщин.

– Скорее, это твой труп, – весело подтвердил первый помощник. – Пока я наливал себе это пойло, мне удалось подслушать часть разговора. Она сказала...

– Кто именно?

– Хорошенькая блондинка. – Лавей неопределенно кивнул.

– Они все хороши собой, – раздраженно заметил Флинт. И действительно, все дамы были одинаково бледны, надушены, изысканно одеты и причесаны – хорошенькие в английском понимании этого слова. В каждой стране были свои стандарты красоты, и Флинт познал многие из них.

– Вон та со светлыми волосами, на восток от двери, рядом со статуей какого-то изнеженного римлянина. На ней голубое платье, а на шляпке торчит перо. Пока я наливал себе это... – Лавей пытался подобрать подходящее слово, но скоро сдался. – Я слышал, как она сказала – и, боюсь, это ее точные слова, – что величина мужских бедер указывает на его «достоинства». Это ее слова, но сомневаться в их смысле не приходится, и если это правда, то «достоинство» графа Эрдмея заставило бы устыдиться самого Куртене.

Последовала изумленная пауза. Так они почтили опасный и загадочный парадокс, какой представляли собой английские леди. Они все казались такими же трепетными и хрупкими, как и их веера, их беседа внешне была изысканно вежливой и притворно скромной. И с помощью того же веера они посылали через зал соблазнительные призывы, а корсеты их платьев выставляли напоказ грудь словно жемчужину, преподнесенную на подушках восточному правителю. Один неосторожный взгляд на нее, и опьяневший молодой лорд вызывает вас на дуэль на пистолетах. Одно слово и призывный взмах ресниц, и вот уже счастливцев, уединившись в алькове с красивой знатной вдовой, скользит рукой по подолу изящного платья, чтобы насладиться ее прелестями.

Флинт вспомнил обо всем этом в первые дни своего пребывания на английской земле. В первом случае он извинился, а во втором, извинившись, отказался от удовольствия.

– Не знаю, какого Куртене она имела в виду, – недоуменно прошептал Лавей.

Пока Флинт встречался с королем по поводу своей миссии и посещал устроенные в его честь скучные обеды, во время которых присутствующие с негодованием обсуждали дарованный ему титул – ему, внебрачному сыну, рожденному в Англии и ставшему в Америке настоящим повесой, – Лавей проводил время в более гостеприимном месте – публичном доме под названием «Бархатная перчатка».

Флинт усилием воли отогнал внезапную тоску по своей марокканской любовнице Фатиме, у которой были глаза цвета расплавленного шоколада, орлиный нос и невероятно длинные прямые черные волосы. Обычно Фатима манила его пальцем, раздвигая занавески, отделяющие гостиную от пропахшей ладаном спальни, – вот и весь их разговор. Затем она взбиралась на него или наоборот, и день проходил за страстными и утомительными ласками. Флинт твердо верил, что в обществе, члены которого не занимаются тяжким честным трудом, правила этикета становятся необычайно запутанными.

По правде говоря, в возрасте тридцати двух лет, после почти двух десятилетий плавания по морям, где ему доводилось ужинать и ночевать на палубе корабля, в тюрьмах и дворцах, после того как принцы и разбойники назначали цену за его голову, после ловли преступников за вознаграждение, благодаря чему он нажил не одно состояние, капитан Флинт, незаконно рожденный сын, моряк-полукровка и торговец, ставший теперь графом Эрдмеем, верил, что

его дом повсюду и в то же время нигде. Он поступал лишь так, как сам считал нужным. Все присутствующие в зале мужчины могли убираться к черту. Флинт мечтал о том, что они принимали как должное: о возможности продлить свой род, оставить после себя след.

Ему нужны земля, состояние и жена. Желаемый участок земли находился в Новом Орлеане, за жену сошла бы Фатима – по меньшей мере она всегда старалась ему угодить, – но столь необходимое богатство не спешило даваться ему в руки и продавец плантаций в Америке уже начинал терять терпение.

Все изменилось две недели назад.

Флинт снова шутивно проклял свое роковое слабое место, благодаря которому оказался в этом зале: когда дело касалось помощи, он не мог пройти мимо. Корабль Флинта стоял в гаврской гавани, а сам он ломал голову над тем, как пополнить свою казну после шторма, уничтожившего весь перевозимый им груз шелка, когда ему довелось спасти от головорезов совершенно пьяного джентльмена. Благодарный молодой человек оказался любимым кузеном леди Конингем, любовницы самого короля. Слухи о героизме Флинта, который на самом деле сводился к короткой пикировке и угрожающим крикам, хотя разбойников было двое, а он один, достигли ушей леди Конингем благодаря знакомому Флинта, графу Эберу, проживавшему в Гавре.

Таким образом английский король узнал про него и его талант по борьбе с преступниками и решил наградить его, радуя свою любовницу и одновременно решая малоприятную проблему морских пиратов. Он восстановил английское графство и даровал его Флинту. Тому оставалось лишь поймать пирата по прозвищу Кот, который грабил и топил торговые суда, в том числе и английские, вдоль всего европейского побережья. Флинту доставались титул и богатые земельные угодья, способные приносить устойчивый доход, однако для управления ими требовалось немалое состояние. Вознаграждение должно было последовать после того, как пират будет передан в руки правосудия.

Это было утонченно-жестокое предложение.

Оно восхитило Флинта, но он предпочел отказаться.

Ему не было и десяти лет, когда капитан «Стойкого» Морхарт предоставил брошенному мальчишке кров, помог найти цель в жизни и стать человеком, каким Флинт был теперь. Он всегда реально оценивал ситуацию и никогда никого не слушал; не собирался делать это и сейчас, даже если его просил сам английский король. Пусть даже он мог получить то, о чем так мечтал. Конечно, если он проиграет, то будет обречен.

Король упрашивал. Флинт возражал. Король не скупился на лесть, но Флинт стоял на своем. Наконец немало изумленный правитель прибег к завуалированным угрозам. Однако Флинта это только позабавило, и он, не опасаясь королевского гнева, снова отказался. Когда он услышал, что с королем случилась небольшая истерика, эта игра начала ему нравиться.

А потом Кот потопил «Стойкий».

Флинт узнал об этом вечером, сидя с командой в пивной Гавра. Он застыл на месте, крепко сжимая кружку пива, посреди взрывов хохота. Это известие поразило его, словно выстрел в упор.

Железный капитан Морхарт, седой, страдавший подагрой, но по-прежнему зоркий, невыразимо упрямый и полный чувства собственного достоинства, под угрозой клинка проклятого пирата был вынужден сесть в лодку и отправиться со своей командой навстречу верной смерти в бушующих волнах. А пират за его спиной разнес «Стойкий» в щепки пушечным выстрелом.

Поэтому Флинт согласился стать графом Эрдмеем.

И теперь огромное английское поместье с построенным век назад домом манило его как знаменитая морковка перед мордой осла, но было одновременно и дамокловым мечом.

Полчаса назад шум в зале, мысли о своей миссии и воспоминания о Морхарте вынудили Флинта беспокойно подойти к дверям террасы и чуть приоткрыть их. На улице завывал ветер,

будто загнанный в угол раненый зверь, пахло лондонским дымом и морем. Шхуна Флинта «Фортуна» стояла в порту. Скорее всего завтра ветер утихнет, и он выйдет в море на рассвете со своей маленькой, но верной командой, при необходимости становившейся совершенно дикой. Верной за одним исключением. Может быть, он теперь и граф, но у капитана было множество повседневных неотложных хлопот, которые нередко сводили его с ума.

– Тебе удалось найти замену Ратскиллу в перерывах между загулами в «Бархатной перчатке»?

Болван Ратскилл, помощник кока, должен был покинуть корабль прежде, чем судовой повар Геркулес потеряет терпение и пропустит его через мясорубку. Ратскилл был ленив, неряшлив, и все матросы с ужасом смотрели на приставшие к его губам бисквитные крошки, в то время как он, положа руку на сердце, давал клятву, что не прикасался к корабельным запасам. Ему удалось одурачить Флинта и Лавей насчет большого опыта работы. Ни один из них не желал быть выставленным на посмешище.

Лавей вздохнул.

– Я кое с кем поговорил на причале, но никто не подходит. Возможно, в Гавре нам больше повезет. По крайней мере туда мы без помощника повара доберемся.

– Геркулес будет недоволен.

Недоволен – слишком мягко сказано. Повар-грек обладал щедушным телосложением и поистине театральным образом выражал свое негодование. Впрочем, не только негодование.

– Кстати о недовольстве. Флинт, от твоей нахмуренной физиономии могут завянуть цветы. Мы на балу, и, ради Бога, не забывай, что тебя наградили титулом, а не присудили к заключению в турецкой тюрьме. Я сделал все возможное, чтобы научить тебя приличным манерам...

Флинт хмыкнул.

– ...но тебе надо постараться улыбнуться. Одна из этих женщин так и сказала и еще сравнила тебя с дикарем.

«Дикарь». Флинт замер. Даже после стольких лет это слово было похоже на прикосновение острья клинка к спине.

– Которая? – отрывисто спросил он.

– Брюнетка в голубом.

Флинт легко отыскал ее взглядом. Она стояла среди других дам, но казалась отстраненной, словно окруженной тишиной. Волосы уложены в изысканную высокую прическу, пара завитков небрежно спадает на лоб. У нее было красивое лицо, если не считать вызывающе пышных губ, платье необычного голубого оттенка с большим декольте, открывавшим грудь, на длинной шее блестящий камень на цепочке. Она бесстрастно обмахивалась веером, ее рука выглядела словно чужая.

Однако ее глаза оказались поразительно живыми, а уголок полных губ презрительно приподнят. Что означало это презрение: презрение к себе, или к своим спутницам, или ко всем присутствующим?

Странно, но она вдруг напомнила Флинту его самого.

– Той даме скучно, Лавей. Я готов поспорить, что для мужчины нет ничего опаснее скучающей капризной богатой молодой англичанки.

– Не желаю спорить, Флинт. Мне бы хотелось дожить до утра.

Девушка и ее хорошенькая белокурая спутница с пером на шляпке внезапно двинулись в их направлении. На полпути к ним присоединился джентльмен.

– Черт побери! – Лавей выглядел изумленным. – Постарайся вести себя вежливо хотя бы в этот раз, негодяй, я чувствую, нам придется с ними танцевать.

– Прошу прощения, Лавей, – пробормотал Флинт. – Уверен, все дело в моих великолепных бедрах.

Глава 2

Верная своему обещанию, леди Перегрин с помощью кузена своего мужа, который уже был представлен лорду Лавей и лорду Флинту, устроила их знакомство. Кузен поспешил уйти, как только стало ясно, что джентльменам придется пригласить дам на танец.

Зазвучала веселая мелодия вальса, и по залу закружились пары.

Лорд Лавей покорно поклонился Вайолет и леди Перегрин.

– Я был бы счастлив, если бы вы оказали мне честь и...

– С радостью, лорд Лавей, – спокойно перебила леди Перегрин и подала ему руку.

Ее рука застыла в воздухе, синие камни на браслете мерцали в свете люстры. Все с удивлением, а Вайолет еще и с обидой, смотрели на нее.

Леди Перегрин с самодовольным видом приподняла бровь.

К несчастью для себя, Лавей был джентльменом, поэтому взял ее руку и повел за собой. Вайолет смотрела на них, закипая от гнева.

– Мисс Редмонд?

«Лавей». Именно это слово прокричала цыганка. И не случайно человек с таким именем появился в зале, когда она уже готова была умереть со скуки.

– Мисс Редмонд? – повторил голос.

Она вздрогнула и обернулась.

Высокий граф поклонился ей, протянул руку и выжидающе приподнял бровь.

Она быстро осмотрела его, и ей на ум снова пришло сравнение с гранеными драгоценными камнями. Его лицо было словно выточенным: высокие скулы, твердый упрямый подбородок, высокие и густые брови, сильно выступающий нос, красивые, четко очерченные губы. Определенно индеец. Вайолет была уверена, что у него в роду были индейцы. По цвету кожи он совершенно не походил на англичанина и уж тем более на человека с отличной родословной: его кожа была золотистого цвета и на солнце скорее могла стать темнее, нежели загореть.

Однако граф умел танцевать вальс.

Когда он уверенно и бережно взял руку Вайолет, а другой рукой приобнял ее за талию, у нее на мгновение перехватило дыхание, словно она оказалась в невесомости. Граф обладал какой-то скрытой силой, которой хотелось противиться и в то же время сдаться на ее милость, и, конечно, Вайолет предпочла первое.

Проклятие! Ей так нужно было познакомиться с Лавеем.

Она заглянула за плечо графа и перехватила торжествующий взгляд леди Перегрин, и тут же они сделали поворот.

А Вайолет сердито уставилась на ее спину.

– Я не кусаюсь. – Низкий голос графа раздался у самого ее уха.

Вайолет вздрогнула.

– Прошу прощения?

Он очень забавно говорил: властный голос, невнятное американское произношение, однако в конце фразы всегда звучала четко, совсем как у британца аристократического происхождения. «Р» было мягче, будто переливалось. Он, наверное, впитал в себя мелодии языков тех стран, где побывал.

– Нет, просто мне было необходимо удовлетворить свое любопытство.

– Узнать, сколько у меня может быть глаз?

– Я довольно быстро это поняла, благодарю.

– А, так вы смотрели мимо меня. Теперь я понимаю. – В голосе графа прозвучали нотки изумления. – Как называется вечер, когда можно дать волю дурным манерам?

Последние слова он произнес почти про себя.

Вайолет редко теряла дар речи, так что для нее это было нечто новое. Она молча смотрела на него.

Она оказалась права насчет его глаз: живой ярко-синий цвет безоблачного неба с темным ободком. У него были густые ресницы с чуть позолотившимися от солнца кончиками, от уголков глаз разбегалось по три морщинки, будто лучики, которые Вайолет рисовала в детстве. Наверное, он привык прищуриваясь смотреть вперед, стоя на палубе.

– А вы не сочли, что невежливо намекать на мои дурные манеры? – резковато спросила она.

Это его только развеселило.

– Полагаете, мне интересно знать, интересно ли вам?

Вайолет моргнула. Что он за человек?

Брови графа приподнялись. Он будто вызывал ее на словесный поединок. Однако вид у него по-прежнему оставался сдержанным и чуть отстраненным. Он словно и не надеялся, что она сможет сказать что-нибудь остроумное.

У Вайолет были изысканные манеры, она знала, как себя вести, поэтому решила, что должна приложить хотя бы небольшое усилие и очаровать его. В конце концов он был графом, капитаном судна, и, возможно, сумеет что-нибудь рассказать ей о мистере Лавее.

– Как вам нравится в Англии, сэр?

Он коротко рассмеялся.

Вайолет рассердилась.

– Я не собиралась показаться остроумной.

– Значит, это был просто заурядный вопрос? – вежливо осведомился он.

– Я никогда в жизни не была заурядной, – немало удивившись, возразила Вайолет.

На повороте он чуть наклонился к ней, и они сделали грациозный круг. Она как будто бы села в колесницу и теперь неслась вперед с головокружительной скоростью. Он притянул ее чуть ближе, чем позволялось. Вайолет ощутила запах крахмала и еще чего-то резкого и свежего, наверное, мыла и, возможно, одеколона. Перед глазами у нее был галстук такой необыкновенной белизны, какой она видела лишь у лорда Аргоси, и внезапно ее ошеломили сила и мощь этого человека.

– Докажите, – прошептал он ей на ухо.

И тут же он выпрямился, вновь стал галантным и безусловно вежливым. Они кружились под знакомую мелодию, но Вайолет уже почти не узнавала ее.

Она была поражена.

У нее было такое чувство, будто граф просто развлекается. Он смотрел прямо на нее, но его взгляд блуждал где-то далеко, хотя они двигались в такт музыке, а его твердая теплая рука покоилась на ее талии. Скорее всего он уже раскусил ее, сделал выводы и почти перестал о ней думать, а теперь лишь забавлялся вопросами, словно перед ним детская игрушка, которая только качается и пищит, а он хочет узнать, способна ли она на большее. Он желал занять себя во время вальса, который ему пришлось терпеть.

– У нас принято, чтобы джентльмен развлекал свою даму во время танца. Возможно, вы слишком долгое время провели в плавании и забыли об этом, – с легкой иронией ответила Вайолет.

Граф изобразил насмешливое раскаяние.

– Возможно, вы правы. Наверное, во время своих походов я стал дикарем.

Она сузила глаза. Он спокойно встретил ее взгляд.

Несколько секунд они молча двигались в такт музыке.

– Невежливо подслушивать, – наконец сказала Вайолет.

– А я и не подслушивал.

– Все равно невежливо подсылать шпионов, чтобы они подслушивали разговор. Это ведь очевидно.

Граф развеселился. Его глаза засияли, рука сильнее сжала ее талию – совершенно поразительное, новое ощущение возникло у нее.

– Не уверен, что «невежливо» – подходящее слово. По правде говоря, это вышло совершенно случайно. Но поскольку вы большой знаток этикета, прошу, освежите мою память. Насколько вежливо сплетничать?

– Сплетничали обо мне, – чуть подумав, ответила Вайолет, опустила ресницы и улыбнулась. От этой чарующей улыбки другие мужчины были готовы броситься перед ней на колени. Обычно на следующий день ей присылали букеты из оранжереи.

Граф не остался равнодушным. Блеск в его зрачках был тому доказательством.

– Но вы же совершенно невинны, мисс Редмонд. – Его голос звучал необычайно мягко. Губы дрогнули в ироничной усмешке, одна бровь чуть поползла вверх. На этот раз его слова таили угрозу, он словно говорил: «Не докучайте мне».

Если это был конкурс кокетства, то граф только что передал ей эстафетную палочку.

Вайолет ощутила знакомое волнение, когда на нее внезапно накатывала волна безрассудства. Ей не часто удавалось противиться этому зову.

Она приподнялась на цыпочки и прошептала эти слова прямо ему в ухо. Она была так близко, что он мог ощутить ее аромат и почувствовать горячее дыхание. Благодаря близости теплого тела и Вайолет снова вдохнула его пьянящий запах: резковатый, чистый.

– А вы как думаете, сэр?

Впервые с начала вальса он внимательно посмотрел на нее.

Но Вайолет все еще не была уверена, хочет ли она этого. Все равно что слишком долго держать в руках что-нибудь горячее. У него был пронзительный взгляд, и ничего похожего на мольбу, которую она так часто читала в глазах других мужчин. Он изучал ее с определенной целью. Его взгляд скользнул по ее глазам, губам, декольте; он изучал ее как женщину, отчего Вайолет почувствовала вдруг, как участилось ее дыхание, и одновременно она еле сдержала желание вlepить ему пощечину.

И тут он улыбнулся далекой, почти снисходительной улыбкой, и когда они поменялись местами, поднял глаза.

Его взгляд снова стал застывшим.

От пристального, оценивающего взгляда не осталось и следа – так маленький мальчик забывает об игрушке, как только его позовут обедать.

Подбородок графа словно превратился в камень, рука, обхватившая ее талию, была напряжена. Он сжал пальцы Вайолет чуть сильнее дозволенного.

Что он мог такого увидеть?

Она попыталась высвободить руку. Он рассеянно разжал пальцы.

– Мисс... – Он бросил на нее небрежный взгляд и тут же снова принялся смотреть в ту сторону, где перед этим узрел нечто интересное.

Неужели он успел забыть ее имя? Вайолет сжала зубы, чтобы не раскрыть рот от изумления.

– Редмонд, – нарочито ласковым тоном напомнила она.

– Конечно, – примирительно ответил он. Еще раз коротко взглянул на нее, словно успокаивая. А потом снова отвел глаза. Вайолет видела такой взгляд у лисицы, прежде чем та бросилась на мышь и не начала трясти ее, пока не сломала шею.

– Кажется, я знаком с тем джентльменом, что танцует с дамой в желтом. Если не ошибаюсь, его зовут мистер Хардести. Вы его знаете?

Вайолет удалось проследить за направлением его взгляда, рискуя вывихнуть шею.

Ее руки в перчатках похолодели. Он смотрел на ее брата Джонатана.

– Вы имеете в виду мистера Джонатана Редмонда? Это мой брат.

Граф пристально взглянул на нее. От выражения его лица она чуть не задохнулась, словно он с силой толкнул ее в грудь.

Она почувствовала, как он усилием воли пытается подавить напряжение. Ему это удалось.

– Ваш брат, Джонатан Редмонд, случайно, не торговец? – мягко осведомился граф. – Не капитан судна?

Даже танцуя, он ухитрялся не отрывать взгляда от Джонатана. Раз-два-три, раз-два-три... Вайолет почувствовала себя лишней. Граф просто использовал ее, чтобы преследовать Джонатана в зале.

Однако тот, подобно всем привлекательным, богатым и многообещающим мужчинам его возраста, был убежден в своей неотразимости и продолжал непринужденно болтать со своей партнершей, которая лучезарно улыбалась ему.

– Боже правый, конечно, нет, сэр! Джонатан живет вместе с нами в Пенниройял-Грин и в Лондоне. Развлекается он в столице и Суссексе, и если бы когда-нибудь был на палубе корабля, то не переставал бы этим хвастаться. Джонатан никогда не проявлял интереса к морскому делу. Возможно, сегодня вечером вас ему представят. При ближайшем рассмотрении вы поймете, что он совсем не похож на мистера Хардести.

Вайолет старалась разубедить графа и защитить Джонатана.

Граф хранил молчание.

На мгновение она будто ощутила себя кораблем, влекомым по волнам. И хотя она всегда страстно искала новых ощущений, это не пришлось ей по вкусу.

– Он не просто напоминает мистера Хардести, – пояснил Флинт, словно перед ним был неразумный ребенок. – Они могли бы быть близнецами.

Разговор становился тягостным. Вайолет хотела было отнять руку, но он крепко сжал ее, словно только он один мог позволить ей уйти.

– У Джонатана нет брата-близнеца, сэр, – сухо заметила Вайолет.

Через плечо она оглянулась на Лавея, с которым ей предстояло танцевать после, и с облегчением заметила, что вальс вот-вот закончится, а на лице леди Перегрин совсем не сердитое, а довольное выражение.

– Мистер Хардести тоже моряк?

Граф медлил с ответом.

И снова он рассеянно улыбнулся. Странно, но от этой улыбки по спине Вайолет пробежали мурашки.

– Можно и так сказать.

Вайолет поняла, что дальнейшие расспросы о мистере Хардести ни к чему не приведут.

Внезапно граф потерял всякий интерес к разговору.

– Вы надолго в Лондоне? – поинтересовалась она.

– На рассвете вернемся на корабль и отчалим вскоре после восхода солнца, – коротко пояснил он.

– И направляетесь вы...

– В Гавр, – последовал краткий ответ.

К счастью, через несколько мгновений вальс закончился. Граф элегантно поклонился – само воплощение изящества, Вайолет сделала реверанс, и он без всякого сожаления передал ее мистеру Лавею, словно перед ним была миска супа.

Краем глаза Вайолет видела, как он поклонился леди Перегрин и принялся танцевать с ней.

Леди Перегрин быстро обернулась к Вайолет и незаметно постучала кончиком пальца по зубам, словно говоря: «Они у него все на месте!»

Вайолет сомневалась, что граф вспомнит ее имя.

Глава 3

По сравнению с графом месье Лавей был само очарование.

Сначала они молча восхищались друг другом. Во внешности Лавей не было ничего необычного: вьющиеся темно-золотистые волосы, узкие серые глаза, орлиный нос, изящно очерченный рот, широкие плечи. Он не был так строен, как граф, но и тучным его не назовешь. Он был высокого роста, но не великан.

Это был привлекательный мужчина, словно глоток свежести после зловеще сгустившихся туч во время беседы с графом. Лавей казался слегка усталым и сдержанным. Возможно, во время революции он стал свидетелем казней своих родственников.

– Как вам нравится Лондон, лорд Лавей? – спросила Вайолет. Вполне безобидное начало разговора, но ничего банального. – Вы давно здесь?

– Мы причалили две недели назад. Но странное дело, мисс Редмонд, теперь я сожалею, что завтра нам придется отплыть.

Его тон был беззаботным, но в голосе слышалась страсть. Эти слова напрямую относились к Вайолет. Глаза лорда Лавей блеснули. Вайолет довольно кивнула и слегка улыбнулась ему: «Хорошее начало».

Взгляд месье Лавей оживился.

– А прежде вы были в Лондоне, месье Лавей?

– Да, за много лет до начала войны, но при других обстоятельствах. Сейчас мы выполняем поручение короля, а также должны взять на борт дипломата, служившего в Испании. И конечно же, мы развлекаемся на званых вечерах и балах, потому что не каждый день капитан становится графом.

Вайолет улыбнулась:

– Наша семья счастлива праздновать награждение графа этим титулом.

Это было не совсем так, но Вайолет знала, что сказать, чтобы установить с собеседником дружеские отношения, пока они не сойдутся достаточно близко и не станут откровенны друг с другом. Она всего дважды в жизни слышала, как ее отец ругался: когда Колина Эверси не повесили и когда он узнал, что новым графом будет капитан Ашер Флинт. Однако обычно в разговоре с мужчинами Вайолет избегала быть откровенной.

Будучи любительницей испытывать людей и рисковать, она намеренно задала следующий вопрос:

– Вы, случайно, не знакомы с мистером Хардести, лорд Лавей?

И опять это имя вызвало то же странное молчание.

– А вы, мисс Редмонд?

Голос лорда Лавей звучал уже не так тепло.

– Просто граф решил, будто мой брат Джонатан на него похож, и сказал, что мистер Хардести тоже моряк.

Вайолет не стала рассказывать, как на самом деле повел себя граф, однако, судя по горькой улыбке Лавей, он догадался сам.

– Вот как? Интересно. Дело в том, что мы в последнее время только о нем и думаем, и неудивительно, если граф видит Хардести повсюду. Но я полагаю, он не желал нанести оскорбление вашему брату.

– Тогда мне хотелось бы узнать, что вы считаете оскорблением.

Месье Лавей улыбнулся:

– Чтобы вас успокоить, скажу, что, по слухам, мистер Хардести само воплощение обаяния. С ним приятно оказаться за одним столом во время ужина, как мне однажды посчастливилось. Его манеры и речь необычайно утонченные, он определенно получил блестящее образо-

вание, хотя для меня остается загадкой, где он добыл свое состояние и где научился вести такую блестящую беседу. Он прекрасно осведомлен обо всем, что касается торговли. Его видели во Франции, Бельгии, Португалии, Испании и Марокко. В основном он привозит товары из Вест-Индии и с Кубы.

– Похоже, замечательный человек. И все же у меня такое впечатление, что вы не встретите его с распростертыми объятиями.

Лавей поразила пронизательность Вайолет, и он приподнял брови, однако отвечать не спешил.

– Думаю, нет ничего страшного, если я вам скажу. Мы полагаем, что этот мистер Хардести на самом деле человек по прозвищу Кот. А он, как бы это помягче сказать, капитан судна – другими словами, пират.

Боже! Вайолет в изумлении замолчала. Она не ожидала, что слова Лавей произведут на нее такое впечатление.

Однако она редко вела себя разумно.

– Но что пират может делать на балу?

– Мисс Редмонд, я уверен, Кот рискнет быть повешенным, если ему выпадет возможность потанцевать с вами. Возможно, именно по этой причине он и посещает балы.

Вайолет рассмеялась и удивленно покачала головой. Compliment был таким безупречным и неожиданным, что от ее скуки не осталось и следа. Чуть заметный французский акцент был столь же приятен для слуха, как звуки менуэта из соседней комнаты.

Ободренный, Лавей продолжал:

– У нас есть некоторые доказательства того, что мистер Хардести и Кот могут быть одним и тем же лицом. Мистер Хардести, по-видимому, богат, однако разве за это его можно судить? Многие успешные торговцы нажили себе состояние.

– Я не стала бы осуждать человека за богатство, лорд Лавей.

Он улыбнулся, и его золотистые брови чуть дрогнули.

– Мы, то есть лорд Эрдмей и команда «Фортуны», получили от английского короля задание поймать Кота.

– Наверное, это опасно, – польстила Вайолет.

Несмотря на то что они все время двигались под музыку, Лавей умудрился пожать плечом и ничего не ответил – слишком по-французски.

– Но почему пирата назвали Котом?

– Говорят, так он представляется, когда захватывает корабли. Возможно, потому, что он приближается к ним с несколькими соратниками и внезапно нападает из тумана или посреди ночи. Говорят также, что он не присягал на верность ни одному королю. А когда ему что-то нужно, он само очарование, словно мурлыкающая кошка у ваших ног. Дамы уверяют: у Хардести нет сердца, – но он легко завоевывает и разбивает их сердца. Однажды он появился из небытия, как приبلудный кот, и принялся грабить суда. Не знаю, мисс Редмонд, почему люди любят давать пиратам прозвища. Так и рождаются легенды. А сами пираты не возражают.

По крайней мере мистер Лавей запомнил ее имя.

Тут Вайолет поняла, что графа и леди Перегрин не видно в зале, и подумала, уж не удалось ли той уединиться с ним, чтобы проверить свое предположение насчет величины его бедер.

Кажется, Вайолет искала графа взглядом.

Она сразу же отбросила эту мысль.

К счастью, она заметила Джонатана, танцующего с миниатюрной блондинкой в муслиновом платье. У него был скучающий вид типичного Джонатана, даже отдаленно не напоминающего пирата.

– А что натворил этот Кот?

– Мы полагаем, что он в течение одного года взял на абордаж несколько торговых кораблей, похитил ценные грузы, после чего потопил суда. На четырех из них капитанами были англичане. Последним кораблем оказался «Стойкий». Другими словами, он настоящий бич моряков, – решительно произнес Лавей.

– Поимка пиратов – любимое занятие графа?

– Его любимое занятие – совершать невозможное. Поэтому он и стал графом, – коротко ответил Лавей. – И именно поэтому король и поручил ему это задание.

– Я слышала, он совершил какой-то подвиг, за что его и наградили титулом.

– Вы правы.

Мистер Лавей воздержался от объяснений, но, кажется, разговор его развеселил.

– Зачем пирату посещать балы по вечерам, а потом выходить в море и топить суда?

Лавей снова пожал плечом.

– Власть? Деньги? Дурная слава? Мечь? Кто знает. Конечно, он бы никогда не пустил ко дну корабль, если бы знал, что вы на борту.

Они довольно улыбнулись друг другу, между ними установилось полное взаимопонимание. Серые глаза Лавей потеплели; этот блеск был знаком Вайолет, но все же в нем было что-то необычное, французское. Его глаза, руки, само его присутствие отчего-то оставляли ее равнодушной в отличие от графа.

А вот и он! На его лице застыла вежливая улыбка, и он с сонным и чуть изумленным видом слушал болтовню леди Перегрин, словно перед ним была говорящая собачка или нечто причудливое. На самом деле он не обращал на нее внимания. Вайолет стало почти жаль его.

– Мы обязательно найдем Кота, – сказал Лавей уверенным, надменным тоном, специально, чтобы привлечь ее внимание.

– Отчего вы так уверены?

Лорд Лавей помедлил, а потом улыбнулся. У него была красивая непринужденная улыбка – возможно, именно так улыбались в течение долгих веков его предки, – но в ней не было тепла. Она напомнила Вайолет об отце, который считал, что он сможет добиться всего или скрыть все лишь благодаря своему влиянию и знатности.

– Капитан Флинт никогда не преследовал пустых целей. У графа Эрдмея много причин найти Кота живым или мертвым. И он обязательно добьется своего.

Возможно ли, чтобы в словах Лавей была скрыта ирония? Или это французский акцент придавал его тону чуть ироничный оттенок? Много может быть причин...

И вновь по спине Вайолет пробежали мурашки от смутного беспокойства и восторга. Ей хотелось понять истинный смысл сказанного, развернуть слова, как подарочную обертку, развеять скуку.

Возможно, именно поэтому цыганка и выкрикнула имя Лавей. Он нравился Вайолет, но она знала, что не сможет влюбиться в него. Любовь сопровождалась всплесками эмоций и утратой гордости, а в ее семье еще и различными бедствиями и серьезными последствиями.

Но Вайолет никогда прежде не встречала мужчин, подобных этим двум. А ведь завтра они покинут город.

– А Кот может быть сейчас в Лондоне?

– Вам нечего опасаться, мисс Редмонд. «Оливии» нет в порту.

Вайолет наконец поняла значение слов «время остановилось». Для нее время по крайней мере замедлилось.

Слова Лавей эхом отдавались у нее в голове. Сначала она решила, что неправильно его поняла. Но потом все факты выстроились в стройную цепочку и молниеносно пронесли у нее перед глазами, словно она летела с большой высоты. И тут у Вайолет помутилось в глазах. Она покачнулась, Лавей крепче обхватил ее, и плавный ритм танца не был нарушен.

– Мисс Редмонд? – В его голосе звучало искреннее участие. – Прошу меня извинить. Возможно, нам стоит поговорить о более приятных вещах? Когда постоянно находишься в мужской компании, забываешь, о чем беседовать с дамами.

Бедняга, он решил, что у нее слабые нервы.

Вайолет подняла глаза. Ей казалось, у нее отнялись ноги.

– Наоборот, вы очень развлекли меня сегодня, – живо произнесла она. – Я просто оступилась в новых туфлях. Боюсь, я не расслышала названия корабля Кота. Что-то интересное...

У нее появилось неприятное предчувствие в ожидании ответа. В ушах звенел голос цыганки, выкрикивающей имя Лавей, сердце отчаянно колотилось, и Вайолет лихорадочно раздумывала о причудливых путях судьбы и о том, что ей теперь делать.

– Согласен, ведь это женское имя. Его корабль называется «Оливия», мисс Редмонд. Возможно, эта женщина разбила его сердце. Если оно у него, конечно, было.

Дрожа от нетерпения, Вайолет учтиво поклонилась и обменялась любезностями с лордом Лавеем, снова выразившим сожаление по поводу своего столь короткого пребывания в городе.

После этого она побежала, или почти побежала. Подхватив подол платья, Вайолет ловко лавировала между танцующими парами и собравшимися посплетничать гостями. На ее лице застыла улыбка. Подошвы туфель скользили по полу.

Нет, нет, нет! Лайон не мог совершить такой глупый поступок. Глупый или необычайный?

Где, черт возьми, Джонатан? Быстро оглядев зал, Вайолет не заметила его среди танцующих, а значит, он у чаши с пуншем или у двери в сад, чтобы удобнее было взять сигару, или ускользнуть на свидание, или перепрыгнуть через ограду и отправиться в клуб без ведома отца.

Вайолет резко остановилась, заметив его спину. Джонатан был типичный Редмонд, высокий, худощавый, но уже утративший ребячливую живость. Он действительно стоял рядом с чашей пунша и дверью в сад, удобно пристроившись за колонной и опираясь рукой о стену. Видимо, он кого-то или что-то загоразживал.

Вайолет поняла, в чем дело, когда услышала смешок.

Она взглянула через плечо Джонатана на женщину: миниатюрная блондинка в простом белом муслиновом платье, большие глаза, маленький носик, чуть заметный неправильный прикус, придающий ей сходство с кроликом, приоткрытые в улыбке губы. Леди Уорем? Уор... Ее уже представили Вайолет, но она успела позабыть имя.

Где ее брат научился этому всему: небрежная поза, молчаливый, соблазнительный взгляд, слова, от которых женщина вспыхивала? Джонатан выглядел совсем как взрослый мужчина, каковым он себя и считал. Просто Вайолет редко видела, чтобы он вел себя как подобает взрослому мужчине.

– Джонатан, – тихо позвала она, остановившись рядом с ним.

Он не обернулся.

– Джонатан! – рявкнула Вайолет.

Джонатан подскочил на месте и сердито уставился на сестру. В это мгновение он был так похож на Лайона, что Вайолет поняла: время не ждет и ей надо поторопиться. Так вот на что обратил внимание граф; и как только она этого не замечала?

– Вайолет, – сурово протянул Джонатан. Украдкой оглянувшись на блондинку, он обратился к сестре взглядом, прямо говоривший «уходи».

– Прошу извинить меня за вторжение, – неискренне произнесла Вайолет. – Джонатан, ты знал, что джентльмена, который пришел с графом Эрдмеем, зовут Лавей?

На лице брата раздражение сменилось непониманием.

– Да, нас представили. Он довольно приятный, правда, несколько льстивый, и у него такие изысканные манеры. Можно подумать, он считает себя лучше других, но дело тут не в его словах или поступках. Я не уверен, можно ли доверять французам...

– Замолчи, Джон! Его зовут Лавей. Ты разве забыл, что случилось, когда мы недавно были у цыган?

– Зачем так кричать, сестрица? – Голос Джонатана стал снисходительным, и он улыбнулся леди Уортл... Леди Уортем, наконец-то!

Подлец! Джонатан решил покрасоваться перед дамой.

Ему следовало бы лучше знать Вайолет.

– Тебе вечно все надо повторять, Джон. Разве ты не помнишь? Цыганка крикнула мне «Лавей»? Та самая, что предсказала тебе десять детей.

Джонатан окаменел и встревоженно посмотрел на сестру.

– Она помешанная, Вайолет, – быстро возразил он. – Это чистой воды безумие, и ты это знаешь.

– Возможно, у тебя будет десять детей.

– Прикуси язык.

– Возможно даже, от леди Уортем, – злорадно добавила Вайолет.

Глаза леди Уортем стали похожи на блюдца, и в них появился мечтательный блеск.

Джонатан пришел в ярость.

– Никогда! Слышишь, никогда! Я не желаю залезать в петлю, а это лишь легкое развлечение... –

Он зажмурил глаза, сообразив, что чуть не попал в ловушку сестры. – Черт бы тебя побрал, Вайолет! – прохрипел он.

Вайолет с сожалением покачала головой.

Джонатан оглянулся в тот самый миг, когда леди Уортем наконец закрыла рот и ее глаза зло сузились. Она с негодующим видом ринулась прочь, зацокав каблучками и даже не попрощалась с Редмондами.

Джонатан накинулся на сестру:

– Что ты наделала, негодница?

– Перестань. Ты сам только что сказал, что она лишь развлечение. Если сию же минуту ты сможешь вспомнить ее имя, я изображу досаду и помогу тебе снова добиться ее расположения.

Джонатан сердито смотрел на сестру, плотно сжав губы.

Она улыбнулась ему.

Как обычно, Джонатан пытался выглядеть рассерженным, но не сумел совладать с собой и улыбнулся в ответ.

– Видишь ли, мне нужно упражняться во флирте, – пояснил он. – Иначе как я сумею превзойти самого Аргоси?

– Упражняйся? Чтобы быть готовым встретиться с женщиной, которая подарит тебе десять детей?

– Довольно! – закричал Джонатан.

Вайолет успокаивающе коснулась его рукой.

– Джонатан, послушай меня. Клянусь, это очень важно. Французского джентльмена, явившегося с графом, зовут Лавей. Лорд Лавей. Цыганка Марта Эрон выкрикнула его имя! Неужели не помнишь? Тогда я ничего не поняла. Лавей – первый помощник на корабле графа Эрдмея. А цыганка сказала, мне предстоит долгое путешествие по воде.

Джонатан застонал.

– И это все? Ради Бога, Вайолет, если бы цыганки всегда говорили правду, население целой страны сейчас плавало бы в лодках по Темзе.

Потеряв интерес к разговору, Джонатан перехватил взгляд леди Перегрин и принялся изображать чувственную, по его мнению, улыбку.

– Только не она. Эта женщина ужасна, страшная сплетница. Хватит упражняться и послушай меня.

Джонатан раздраженно повернулся к сестре.

– Ты ведь совсем не глупая. Зачем тогда верить во всю эту чепуху о Лавее? Уверен, эта фамилия встречается у французов часто. С той цыганкой не все в порядке, и ты это знаешь.

– Мне кажется, ты просто надеешься, что с ней не все в порядке, – заметила Вайолет.

Взгляд Джонатана вновь стал сердитым.

«Десять детей», – прошептала Вайолет одними губами.

Она не отводила взгляда от брата.

Внезапно ей стало страшно.

– Дело не только в этом. Когда меня представили графу Эрдмею, он увидел тебя, и у него был вид как у пойнера, заметившего кролика. Клянусь, Джон, у меня волосы встали дыбом от жуткого взгляда. Он сказал, ты очень похож на торговца, которого также считают пиратом Южных морей по прозвищу Le Chat.

– Я? – Глаза Джонатана расширились от удивления и тут же мечтательно затуманились. – Какое интересное прозвище. Но я же не пират, Вайолет.

– Знаю, Джон. И это слово означает Кот.

– Я понял, у меня тоже был учитель французского.

Джонатан перехватил взгляд Миллисент Харт.

– Не она: совершенная глупышка. Джонатан, лев – это большая кошка¹. Неужели не понимаешь? Граф подумал, что ты похож на этого Кота.

Джонатан сердито нахмурился:

– Что за дурацкое имя. Пираты все время придумывают себе прозвища – что-нибудь нелепое, устрашающее...

– У его корабля тоже дурацкое имя. Он называется «Оливия».

Наконец-то на лице Джонатана мелькнуло понимание. Вайолет могла поклясться, что кровь на мгновение перестала бежать у него по жилам, – так он побледнел и застыл на месте. Упоминание семейства Эверси и беды, которую одна молодая особа с этим же именем навлекла на их семью, действовало на Джонатана именно так.

Их взгляды встретились. Глаза Джонатана потемнели, в них появилось какое-то непостижимое выражение, и снова Вайолет задала себе вопрос, каким человеком станет ее брат, когда повзрослеет. Солидным и серьезным, как Майлз? Человеком, чье имя стало олицетворением богатства, как у их отца? Вайолет молча умоляла его поверить. Лайон где-то рядом. Лайон может быть тем самым торговцем по имени Хардести и пиратом по прозвищу Кот, капитаном корабля «Оливия». Им нужно найти его, убедить вернуться домой, спасти от графа Эрдмея и от смерти на виселице.

Но ведь это может быть ошибкой? Если это и на самом деле Лайон, то все обстоит совсем не так?

Но тут чары развеялись, Джонатан нахмурился и энергично покачал головой.

– Так, значит, ты решила, будто Лайон стал пиратом по кличке Кот, потому что ему разбила сердце эта проклятая женщина из семейства Эверси, и он назвал свой корабль «Оливия» в память о своем несчастье или чтобы ей отомстить? Ничего более нелепого я не слышал. Подумай сама.

– Конечно, звучит неправдоподобно. Но «Оливия», Джон!

Джонатан жестом остановил сестру.

¹ Игра слов: имя Lyon (Лайон) произносится так же, как lion (лев). – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Нет, Вайолет, все это слишком нелепо. Что, этот пират берет на бордаж корабли, грабит и насилует? – Джонатан с трудом сохранял спокойствие.

– Почему бы тебе самому не спросить у графа Эрдмея? Пока о нем не узнал король, его имя было капитан Флинт, а теперь он должен поймать Кота и передать в руки правосудия за вознаграждение. Возможно, тебе он скажет больше, чем женщине. Наверное, с тобой ему будет удобнее говорить о грабежах и насилии. Но и ты ведь похож на этого Кота.

Даже в толпе легко было заметить графа, словно айсберг посреди моря. Он вежливо беседовал с пожилым джентльменом, месье Лавей стоял поблизости – холодный и элегантный перед тихой угрозой, исходящей от графа.

– Я говорил с ним, – коротко ответил Джонатан. – Отец представил меня ему и лорду Лавею. Он поинтересовался, не хотел бы я когда-нибудь отправиться в плавание, сказал, что ему нужно найти замену помощнику повара Ратскиллу, потому что он неумеха и наглец. Мне жаль бедолагу. Но я не обратил внимания на то, как он смотрел на меня, Вайолет. Очевидно, король решил пожаловать титул человеку, склонному к героизму.

– Жаль, что наш отец не получил его за что-нибудь героическое.

– Да уж, то, что он тебя терпит, уже героический поступок, – ответил Джонатан, как и ожидала Вайолет. – И потом, почему об этом Коте и его «Оливии» не слышал Майлз? Он ведь везде побывал.

– Но в последнее время он никуда не выезжал. И совсем не обязательно, что Майлз знает всех и каждого лишь потому, что много плавал. Ради Бога, Джонатан!

– Возможно, он был слишком поглощен Синтией и не обратил внимания.

– Майлз все замечает и по-прежнему пытается найти деньги для своей экспедиции на Лакао. Возможно, он не слышал обо всех недавно появившихся пиратах.

Они оба с ужасом ждали очередного отъезда Майлза в эту экспедицию в Южную Америку. Он стал знаменитым исследователем благодаря своим книгам и лекциям о Лакао. А на этот раз он собирался взять с собой жену. Говорили, она ему не пара. Синтию не желали принимать в доме Редмондов по указанию главы семейства Айзайи Редмонда. Странно, но Майлза не лишили наследства после женитьбы.

В том, что Майлз влюбился в печально известную мисс Брайтли, была вина Вайолет. Решив совершить доброе дело, а заодно поступить всем вопреки, она пригласила Синтию в дом Редмондов. После чего разгорелся очередной семейный скандал.

Скандалы были по части Вайолет.

Однако Лайон превзошел ее, когда бесследно исчез около двух лет назад. Отец уже отчаялся дожидаться его возвращения и сделал наследником Майлза. Так продолжалось до появления Синтии.

Вайолет не могла смотреть, как любовь разрушает ее семью, в то время как каждый притворяется, будто все хорошо, и продолжает жить обычной жизнью. Ей хотелось, чтобы все вернулось на круги своя.

– Джонатан, что такого сказала ему Оливия, что он решил уехать?

Джонатан резко повернул голову.

– Откуда ты знаешь, будто она что-то говорила?

– Но ведь так и было!

Ее брат снова замкнулся в себе.

– Он никогда не рассказывал мне о случившемся, Вайолет.

Она поняла, что Джонатан лжет и не в состоянии это скрыть. Что-то новое и необычное.

Брат с сестрой молча стояли у стены, оглядывая зал. Их отец беседовал с одним из членов его инвестиционной группы «Меркурий-клуба», и его было трудно не заметить. Высокий, худощавый, элегантный, он, наверное, убеждал своего богатого собеседника вложить средства в недавно затеянное клубом строительство железной дороги или в отправку торговых судов в

Китай, Индию и Америку. Говорят, так делали граф Эрдмей и мистер Хардести: зарабатывать все больше и больше, приобретать влияние посредством торговли и иными путями. Таков был и ее отец.

– Вайолет... – осторожно начал Джонатан успокаивающим тоном. Проклятие! Она насто-рожилась. – Ты скучаешь по Лайону. Мне кажется...

– Не надо! – прошипела она. – Не говори со мной таким тоном, Джонатан Редмонд, как будто я глупая девчонка, которую необходимо развеселить. Он решил, что ты похож на Кота, Джон. Он подумал, ты и есть Кот. И с каждым днем ты становишься все больше похожим на Лайона. «Оливия»! Хотя бы представь, что это возможно. – Вайолет почти умоляла брата, а ведь она никогда в жизни ни о чем не просила.

Джонатан долго смотрел на сестру с обеспокоенным выражением на красивом лице. Внезапно в его темных глазах появилась тревога.

– Оставь, Вайолет! Даже не думай об этом.

– Джонатан, что, если он в опасности? Граф Эрдмей хочет передать Кота в руки правосудия. А ты ведь знаешь, что это может означать. Разве ты забыл о том, что едва не случилось с Колином Эверси? Если граф Эрдмей задумал добраться до Лайона, ему не сможет помочь даже отец. Разве ты не хочешь, чтобы он вернулся домой?

– Я этого не говорил. Но, Вайолет, Лайон ведь не... – Джонатан медленно покачал головой. – Он просто не может быть... – на его лице отразилось смущение, и он с трудом догово-рил: – пиратом.

И тут Джонатан не сумел удержаться от хохота.

Чем больше он размышлял над словами Вайолет, тем громче смеялся. Время от времени он похлопывал себя по бедру и весело восклицал: «Пират!», «Подумать только!» и «Думаешь, он завел себе попугая?». Ей захотелось стукнуть его как следует.

Даже сам Лайон, которого они знали и любили, счел бы эту мысль нелепой. И все же...

Джонатан откашлялся и вытер глаза – к нему снова вернулось отличное расположение духа.

– Скорее всего это означает, что тебе суждено выйти замуж за Лавея. Не забудь о словах цыганки. – Темные глаза Джонатана задорно блеснули. – Что скажешь, сестренка? Ему удалось сохранить свое состояние во время войны? Может, он один из этих французских аристократов, кто спрятал свое имущество и семью в чужой стране? Или он обеднел и теперь ищет жену с богатым приданым? Он ведь красив, не так ли? Кажется, все дамы находят его привлекатель-ным.

Джонатан знал, как разозлить сестру.

– Не знаю, что тебе ответить. Я еще ни разу не встречала мужчину, который был бы достоин стать моим мужем, – надменно произнесла она.

Но ее взгляд вновь упал на графа Эрдмея и лорда Лавея. Она не могла ничего с собой поделаться: фигура графа притягивала ее больше всех других в зале. Он улыбнулся собеседнику, пожилому сутулому джентльмену, оживленно жестикулирующему. Его улыбка оказалась на удивление привлекательной и искренней, что было видно даже на расстоянии.

И все же было в графе нечто непостижимое. Вайолет пришло в голову, что его уверенный вид и такая непохожесть на других чем-то сродни старой ране, которой он гордится: это удерживало на расстоянии желающих приблизиться к нему. Вайолет смотрела на очаровательную улыбку этого опасного человека, испытывая странное ощущение.

Ей захотелось... защитить его. Это невероятно странное чувство появилось внезапно. К счастью, оно улетучилось через мгновение.

Неожиданно граф вскинул голову, словно услышал неведомый зов. Он уже не обращал внимания на собеседника и перехватил взгляд Вайолет. Его глаза холодно блестели в свете люстр.

Граф был опасным человеком. И если Лайон на самом деле пират и графу поручено схватить его, Вайолет не сомневалась, что он так и сделает.

Она быстро отвернулась.

Но что, если этот элегантный француз Лавей действительно должен стать ее мужем? Если все это не имеет никакого отношения к Лайону? Что, если цыганка, выкрикнувшая его имя, хотела сказать именно об этом? Что она должна сейчас чувствовать? Любовь приходит внезапно, или, чтобы влюбиться, нужно время? Как обо всем догадались Майлз и Синтия? Каково это: не чувствовать скуки, беспокойства и одиночества?

– Поскорей бы ты встретила своего суженого, Вайолет, иначе останешься старой девой, будешь висеть на шее у родителей. А что будет делать с твоим приданым отец? – удрученно спросил Джонатан. В его глазах плясали веселые огоньки.

Вайолет искоса взглянула на него.

– Да, пожалуй, мне лучше поторопиться. Жаль, что я всего лишь бедная и некрасивая женщина в годах, – через пару лет на мне уже никто не захочет жениться.

Джонатан сердито и в то же время восхищенно посмотрел на сестру, покачал головой. У Вайолет было больше уверенности в себе, нежели у иного мужчины, намного больше, чем пристало женщине. Он знал о пари в клубе «Уайтс» и понимал, насколько она притягательна для многих светских молодых людей.

Однако Джонатан не мог представить Вайолет ни с одним из знакомых мужчин или вообразить, чтобы она беспомощно краснела, как эти бедняжки, с которыми он заигрывал. Если когда-нибудь она полюбит, молния пронзит небеса, земля задрожит под ногами и континенты сдвинутся с места. Возможно, его сестра своенравна, испорчена и безрассудна, но никто не может любить сильнее, чем она. История ее любви станет легендой. Может быть, именно поэтому Вайолет никогда и не влюблялась.

И поэтому исчезновение Лайона так глубоко ранило ее. Даже Джонатан знал об этом.

– Не делай этого, Вайолет.

Такие слова никогда не могли остановить ее.

– Не делать чего?

– То, что ты задумала.

Она удивленно повернулась к Джонатану:

– Я редко раздумываю, Джон. Все просто происходит само собой.

Она послала ему воздушный поцелуй и грациозно удалилась под жгучими и опасливыми взглядами молодых людей.

Глава 4

Вайолет отодвинула тяжелую бархатную штору и выглянула в окно их лондонского дома. В голове всплыла фамилия Ратскилл. Так зовут помощника повара, наглеца и неумехи, которого граф хотел заменить.

Был час ночи, за окном совершенно темно. Вайолет покинула бал с родителями в собственном экипаже, и теперь они отправились спать... вместе. В последнее время такое случилось все чаще. Она считала это странным, потому что в их браке было больше нежной снисходительности: Айзайя делал что ему вздумается, а Фаншетта тратила его деньги. В последние месяцы обстановка немного изменилась: оба супруга стали уделять друг другу больше внимания, и Вайолет часто думала, от кого она унаследовала свой талант обращаться с мужчинами: у отца или матери.

Наверное, все началось, когда Редмонды, включая их младшую кузину Лизбет, собрались, чтобы увидеть, как Колин Эверси болтается на виселице. Естественно, будучи Эверси, Колин вместо этого исчез с эшафота посреди взрывов и облаков дыма.

Впервые в жизни Вайолет увидела, как отец вышел из себя и выкрикнул: «Сукин сын!» Его терпение лопнуло, как прогнившая веревка.

Толпа бушевала, по всему Лондону распевали веселую песенку про Колина Эверси, которая не умирала вот уже несколько лет и звучала то в театрах, то в пабах.

Говорили, что всем Эверси помогает сам дьявол.

Колина не повесили. Вместо этого он женился на загадочной темноволосой женщине, с которой каждое воскресенье приходил в церковь в Пенниройял-Грин. Они вместе занимались выращиванием овец, коров и другой живности. Поговаривали, что следующим женится его брат Чейз, который частенько проводил в «Свинье и чертополохе» всю ночь, порой даже в одиночестве. Помолвка Чейза Эверси тоже была неожиданностью. Он отправил из Лондона в Пенниройял-Грин молодого человека по имени Лайам Плам и его сестру Мегги, которые теперь работали в «Свинье и чертополохе».

Еще одна представительница семейства Эверси, Оливия, стала причиной исчезновения Лайона. Из всех тайн и размолвок, веками связывавших семьи Эверси и Редмонд – одни были известны Вайолет, другие хранились в секрете, и она была уверена, что узнает правду, только когда ее родители будут на смертном одре, – это исчезновение оказалось самым болезненным ударом. Колин был счастлив, Редмонды жили обычной жизнью, их достоинство, состояние и власть остались в неприкосновенности, но семья понесла большую потерю. У всех вдруг появилась своя жизнь, а Вайолет все чаще хотелось покинуть дом.

А что касается Оливии Эверси, то, по-видимому, она не собиралась выходить замуж в ближайшем будущем. Пусть живет своей общественной жизнью, с горечью думала Вайолет.

Возможно, всем Эверси невероятно везло, но Редмонды должны сами поймать свою удачу, решила Вайолет. Она подозревала, что отец нередко за удачу платил.

И вот теперь она решила ловить удачу сама. Хотя она и сказала Джонатану, что у нее все просто происходит само собой, однако не могла оставить все как есть. Вайолет не знала, что будет дальше и как она сможет осуществить задуманное. В любом случае выбора нет.

За спиной у нее раздался шепот:

– Я отнес чемодан и вызвал кеб, как вы просили, мисс Вайолет.

Она обернулась к слуге:

– Спасибо, Морис.

– Желая вам хорошо провести время с леди Перегрин в Нортумберленде. Две недели, мисс? Семейный праздник?

– Да, две недели. Благодарю, Морис. Думаю, мы прекрасно проведем время.

Она поплотнее запахнула плащ и отвернулась от окна. Морису Вайолет сказала, что на рассвете едет к леди Перегрин, а по пути должна встретиться на постоялом дворе с подругой.

Она испытала легкое сожаление от того, что придется оставить Джонатана, и знала, как будет переживать семья, если узнает, что ее нет и не было в Нортумберленде.

Но Вайолет нутром чувствовала, что вернется с победой.

Корабли были похожи один на другой – огромные мачты, спущенные паруса, тяжелые цепи, которые удерживали их у берега как отдыхающих зверей. Они казались огромными, неповоротливыми, устрашающими. Стояла ночь, слышалось тихое плескание черной воды в порту. Пахло морем, деревом и дегтем, воздух был холодный; внезапно подул ветерок, принесся зловоние, и Вайолет завернулась в плащ.

– Вы уверены, что хотите высадиться здесь, мисс? – неожиданно участливо поинтересовался извозчик, что, впрочем, было вполне понятно.

– Да, сэр, вы очень любезны, – с ледяным высокомерием ответила Вайолет. – Не могли бы вы немного подождать? Если я вернусь и попрошу отвезти меня обратно на площадь Сент-Джеймс, то заплачу вам вдвойне. А если согласитесь подождать, пока я не отправлюсь в путь, то я дам вам фунт прямо сейчас.

– Целый фунт, мисс? – Огромное состояние для извозчика.

– Да. – Сердце Вайолет забилося быстрее. Она незаметно скрестила пальцы под плащом.

Извозчик радостно вздохнул, откупорил фляжку и удобно расположился на сиденье, приготовившись ждать. У него был довольный вид. Вне всякого сомнения, он уже повстречал немало богачей, совершавших странные поступки рано поутру. Лошади фыркали и били копытами, но наконец смирились с необходимостью ожидания.

Вайолет заплатила портовому рабочему, чтобы он на лодке доставил на «Фортуна» записку с ее просьбой, после чего принялась ждать, запрокинув голову к небу, где вокруг голубовато-белого полумесяца танцевали облака.

Через несколько минут лодка вернулась, и на пристань сошел полный коротконогий человек в крепких ботинках, в плотно натянутой на голову шапке и с повязанным вокруг шеи шарфом, как у всех моряков. У него было такое бледное лицо, что в лунном свете оно почти блесло.

– Мистер Ратскилл, полагаю?

– Ну да, – подозрительно протянул он.

– Пять фунтов, если вы возьмете меня на борт «Фортуны».

– Хотите, чтобы я взял вас на «Фортуна»?

– Да, – нетерпеливо повторила Вайолет.

Он посмотрел на нее так, словно перед ним было привидение или эльф. Наконец, очевидно, он пришел к какому-то выводу.

– Прошу прощения, мисс, но команда всегда ходит повеселиться в «Бархатную перчатку». Никто из них и я тоже, мисс, не заплатит пять фунтов за леди, пусть она и красавица. Но я польщен.

У Вайолет закружилась голова. Слишком яркой была картина, особенно матросы, развлекающиеся в «Бархатной перчатке», что бы это ни означало. И никогда прежде она не задумывалась, сколько платят мужчины за вечер с доступной женщиной. Оказывается, женщину можно купить меньше чем за пять фунтов.

– Я не проститутка, мистер Ратскилл. – Вайолет с трудом озвучила презренное слово. Наверное, ни одна из представительниц рода Редмондов не произносила его веками. – Я дам вам пять фунтов, если вы позволите мне занять ваше место на корабле, поскольку мне известно, что вам там не нравится. – Она сама удивилась такой храбрости, вызванной отчаянием и подкрепленной лишь смутными домыслами. Вайолет вновь скрестила пальцы.

Ратскилл ахнул, выпучил глаза, побелел и издал нервный смешок.

– Так вы согласились, мадам? Вас нашел Грибер или Коркоран? Капитан меня в порошок сотрет, сдерет кожу заживо. Так и будет – какое варварство! – или что-либо похуже, – мрачно произнес Ратскилл.

Что может быть хуже, чем быть заживо освеженным? Вайолет не стала спрашивать – у нее не было времени выслушивать рассказ о жестоких корабельных наказаниях.

– Но если вас не будет на корабле, этого не случится, верно? До меня дошли слухи, что вы не совсем довольны вашим положением, мистер Ратскилл, а разговор с капитаном убедил меня, что вас и без того ожидают трудные дни. Мое предложение вполне серьезно. – Вайолет в очередной раз скрестила пальцы. – Вы не хотите быть на борту «Фортуны», а я хочу.

Ратскилл тут же встревожился.

– Я в это не верю, мисс, но уверяю вас: мы с капитаном терпеть друг друга не можем. Вы когда-нибудь были на корабле?

Вайолет решила пропустить вопрос мимо ушей. Чем дольше продолжался этот разговор, тем сильнее она рисковала быть обнаруженной с мистером Ратскиллом. Граф говорил, что вернется на рассвете, но мог появиться и раньше.

– Капитана ведь нет? – осторожно спросила она.

– Нет, еще не вернулся.

– Уступите мне вашу каюту. Я заплачу вам пять фунтов, если вы покинете корабль.

– Но вы ведь женщина. – Ратскилл уставился на нее.

– У вас хорошее зрение.

Ратскилл задумчиво жевал нижнюю губу, пристально глядя на нее.

– Вижу, вы этого очень хотите, так что я могу попросить у вас побольше, если вы меня понимаете.

– Я вас понимаю, однако если вы посмеете об этом просить, один из моих братьев пере режет вам горло.

– И где сейчас ваши братья, мисс?

– Совсем рядом, в экипаже.

Извозчик громко закашлялся.

– Я вам не верю.

– Можете проверить. Я громко кричу и могу вас ударить.

– В Лондоне жизнь ничего не стоит. – Ратскилл попытался говорить угрожающим тоном, но вышло смехотворно.

– Ради Бога, мистер Ратскилл, – принялась увещевать Вайолет, которой стало за него стыдно.

– Так, значит, вы безжалостная женщина? – заныл он.

– Нет! – Странно, но Вайолет вдруг стало обидно.

– Точно, – настаивал Ратскилл. – Одна из этих амазонок. Они очень сильные. – Последнее слово он произнес с удовольствием.

– Возможно, вы имеете в виду сирену? – в отчаянии спросила она.

– Понятия не имею, что это. Амазонки – это такие женщины, которые живут в джунглях и побеждают мужчин. – Ратскилл с надеждой посмотрел на нее. – Наш капитан побывал повсюду, видал всяких женщин и, могу поклясться, амазонок тоже, а вы одна из них.

Капитан встречал разных женщин? Вайолет в этом ни минуты не сомневалась, вспоминая о его холодном отношении к ней. Чувство досады так и не прошло.

– Сирены заманивают моряков на скалы своей красотой и сладким пением. Это миф. – Вайолет почему-то надеялась, что Ратскилл изменит свое мнение.

– Может, я и не люблю капитана, но не хотел бы, чтобы он разбился о скалы. «Фортуна» красивый корабль.

– Это всего лишь миф, – с отчаянием повторила Вайолет. – Метафо... Забудьте. Положение было безвыходным.

– Все равно вы очень красивая, – польстил ей Ратскилл.

– Спасибо.

– Может, сыграете роль моей жены в пабе и дадите мне десять фунтов? – Ратскилл усиленно соображал, какую выгоду можно извлечь из создавшейся ситуации.

– У нас нет времени. – Вайолет намеренно сказала «у нас», тем самым делая его своим сообщником. – И я сказала – пять фунтов. Мое предложение остается в силе, и я даю вам минуту на размышление.

Деловую хватку Вайолет унаследовала от отца.

– Мисс, – с отчаянием произнес Ратскилл, – у меня есть сердце. Я сплю в гамаке с четырьмя другими матросами. Грибер орет во сне, а Ламли иногда жутко портит воздух...

– Может быть, у вас есть свободная каюта, которую можно запереть? – перебила Вайолет. – Вы ведь доставляли дипломата рейсом в Испанию? Я уверена, ему не приходилось спать в гамаке с матросами.

Ратскилл помолчал.

– Да, у нас есть каюта для знати. Называется «для высоких гостей». И на этой неделе мы никого не берем на борт. Так что она пустует.

– Я займу эту каюту. Отведите меня туда. Пять фунтов ваши. Одна минута на размышление.

Коротышка замолчал, напряженно вглядываясь в очертания города – возможно, представляя свою жизнь без «Фортуны» и ужасного капитана Флинта; его губы то и дело подергивались.

– И за кем вы охотитесь – за Лавеем или капитаном?

Вайолет вздрогнула.

– Ни за кем.

Ратскилл улыбнулся, показав немногочисленные зубы, блеснувшие как крохотные звездочки в черном небе. Он пристально посмотрел на Вайолет и примирительно покачал головой.

– Я вам не верю. Но после нашего разговора, думаю, вы станете отличной местью для капитана. Я отведу вас на корабль, а сам затеряюсь в городе. На рассвете меня уже не будет, и, помяните мои слова, он предпочел бы скормить меня акулам, чем простить.

Вайолет с неприязнью слушала Ратскилла, но понимала, что он прав.

– Я позабочусь о капитане. – Вайолет знала, что со временем они поладят. К любому мужчине можно найти подход, даже к такому непростому, как граф.

Она оглянулась на ожидающий экипаж. Извозчик с насмешливым видом кивнул ей, поднял фляжку и сделал медленный глоток.

Если эти переговоры продлятся еще хотя бы минуту, она не выдержит.

– На счет «десять» вы должны принять решение, мистер Ратскилл. Мой чемодан стоит рядом с экипажем. Один, два, три...

И в тот же миг – Вайолет будет помнить его всю жизнь, потому что он как будто решительно прочертил грань между здравым смыслом и безумием, между безопасностью и неведомым, – Ратскилл, несмотря на свой малый рост, легко взвалил ее чемодан на плечо.

Вайолет в последний раз оглянулась на Лондон. Город был так похож на чернильную воду, плескавшуюся у пристани, темные силуэты кораблей и зданий неотличимы друг от друга, слышался далекий грохот экипажей, отвозивших гостей домой. Вайолет с восторгом подумала, что, возможно, больше никогда не услышит светских пересудов, и вновь подавила жалость к своей семье, которая и так уже понесла потерю.

Она вернется с победой – с Лайоном или с известием о нем. Вайолет понятия не имела, как это случится, она редко задумывалась о последствиях. Или же она вовсе не вернется домой.

И пока мистер Ратскилл тащил ее чемодан, она подала извозчику фунтовую банкноту. Он коснулся края шляпы, натянул вожжи и уехал.

Вайолет последовала за Ратскиллом; мостки под ногами колыхались и протестующе скрипели, словно предвещая дурное. Он помог ей сесть в лодку и в полутьме повез к борту «Фортуны».

* * *

К половине девятого утра «Фортуна» снялась с якоря и вышла из лондонского порта. Флинт шел по палубе с кружкой восхитительно крепкого черного кофе, готовясь заменить у штурвала мистера Ламли, чтобы снова управлять своим кораблем.

– Капитан Флинт?

– Да, мистер Коркоран?

– Мистер Ратскилл привел на борт шлюху вчера ночью.

Флинт вскинул голову, посмотрел на говорившего, но тут же снова принялся изучать карты.

– Невозможно, – рассеянно произнес он. – Он знает, что приводить на борт женщин запрещено.

– Но я же видел, как он помог ей подняться на палубу, сэр. Они прокрались к каюте для высоких гостей и заперлись. Какое-то время они были там, но тут я уснул и ничего не слышал из-за сильного храпа. Я подумал было, что правила изменились, а мне ничего не известно, – с надеждой в голосе добавил Коркоран.

Флинт снова поднял голову.

– Правила не изменились. Продажные женщины не допускаются на борт «Фортуны». Может, вы просто хотите навредить Ратскиллу?

Флинт пронзительным взглядом уставился на матроса, но не счел нужным добавить, что Ратскилл сам напрашивался на неприятности. Он и Коркоран оба это знали.

– И не подумал бы, сэр. – Коркоран стянул с головы шапку и прижал к сердцу, словно в подтверждение своей искренности. На слова капитана о продажных женщинах он не отреагировал. – Но сегодня утром его никто не видел. Может, они еще в каюте.

Флинт вздохнул.

– Почему вы так уверены, что с ним была женщина? Вам это точно не приснилось?

– Нет, сэр. Я пытался уснуть, почти уснул, но заметил на передней палубе тени. Сначала я ничего такого не подумал: решил, это моряки возвращаются с берега, – но потом услышал женский голос, сэр.

– Вы слышали, что она сказала?

Коркоран откашлялся и произнес:

– «Что это за отвратительный запах?»

Коркорану на удивление правдоподобно удалось воспроизвести голос утонченной женщины. Он покраснел, откашлялся и коротко кивнул, словно сопрано после завершения выступления.

Подобную историю Коркоран просто не сумел бы выдумать. Он был крепким моряком и хорошо дрался, но отличался простодушием.

– У нее был такой испуганный голос? – нахмурился Флинт.

– Да, сэр. А потом я услышал, как Ратскилл шикает на нее, и звук запираемой двери. Вряд ли проститутка будет возмущаться вонью – так ведь, сэр? Но клянусь, именно это я и слышал.

– Все это очень маловероятно. – Флинт принялся раздумывать. Что, черт возьми, происходит?

– Ну да, у нас на корабле достаточно всяких дрянных запахов, но мужчина к ним привыкает, а потом вообще перестает замечать. Однако женщины, они могут испугаться малость. Даже если вы платите женщине и она привыкла к морякам, запах может ее напугать.

– Возможно, – протянул Флинт. Что-то было не так, и теперь он насторожился. – И сегодня утром вы не видели Ратскилла?

– Не видел, сэр, – подтвердил Коркоран. – Утром его не было в гамаке. И завтрак свой он не взял. Так что я про себя подумал, сэр, может, он еще с ней. Или с ним приключилось что-то плохое.

– Спасибо, Коркоран.

Флинт прошагал мимо него, быстро обошел полубак, решительно спустился к каюте и схватился за ручку.

Дверь была заперта.

Что-то случилось.

Флинт ударил в дверь кулаком.

– Ратскилл!

Он уже представил его лежащим на полу с перерезанным горлом – женщина убила его из-за денег. Или же они, пьяные, храпят на постели. Наконец он с наслаждением представил, как задаст Ратскиллу трепку или привяжет к рее, потому что он уже и так достаточно натерпелся от него.

Флинт прижал ухо к прочной двери.

Ему показалось, или внутри раздались тихие шаги?

Флинт вытащил револьвер, кивком приказал сделать то же самое Коркорану и с силой потянул ручку, так что дверь угрожающе затряслась.

– Ратскилл! Если с тобой все в порядке, выходи, или я вышибу дверь, и тогда тебе не поздоровится.

Капитан снова прислушался.

Тишина.

Он отступил назад, поднял руку и уже собирался с силой ударить, как они услышали тихий щелчок. Дверная ручка медленно повернулась.

Кулак Флинта застыл в воздухе. Словно зачарованные, они с Коркораном смотрели на открывающуюся дверь.

Наконец она со скрипом отворилась на два дюйма.

Через секунду в щелке возникли синие глаза с длинными ресницами под тонкими темными бровями и изящная переносица.

Женщина моргнула.

Умные, блестящие, выразительные и настороженные глаза смотрели на него. В них было что-то чертовски знакомое.

– Девка! – мстительно воскликнул Коркоран.

– Ничего подобного, – раздался негодующий голос, чуть приглушенный дверью.

Флинт уже слышал этот голос, однако воспоминания были заслонены ощущениями – теплое дыхание возле его уха, лукавый вопрос, светлая кожа над вырезом платья голубого цвета. Женщина в голубом?

Откуда ему знаком этот голос?

– Мадам, я граф Эрдмей и капитан «Фортуны». – От этого голоса, полного превосходства, могли дрогнуть даже самые суровые мужчины. – Вы ранены или нездоровы? Вас привели сюда против вашей воли?

Короткая пауза.

– Нет, сэр, – вежливо ответила женщина. Дверь по-прежнему была чуть приоткрыта. Ресницы кокетливо дрогнули. Подозрения графа становились все сильнее.

– Отлично. Тогда попрошу вас, мадам, отпереть дверь и выйти. Мы желаем убедиться, что вам действительно не причинили вреда. Даю вам слово джентльмена, что со мной вы в безопасности. Нам также интересно узнать о местонахождении мистера Ратскилла, поскольку мне доложили, что именно с его помощью вы могли проникнуть на борт. Если он с вами, мы должны это знать.

– Я одна, сэр.

– Я и забыл, что вы граф, капитан, – весело заметил Коркоран.

– Порой я и сам это забываю, – раздраженно ответил Флинт. – Этот титул принес мне одну головную боль. Мадам, я должен вас просить немедленно выйти из каюты, иначе мне придется силой открыть дверь. Если вы не одеты, накиньте плащ.

Коркоран удивленно кашлянул – он совсем не подумал о такой возможности. Флинт сурово посмотрел на него.

Последовало молчание.

Флинт услышал, как женщина вздохнула. Скорее всего она собирается с силами. Через секунду она закашлялась, наверное, не в состоянии больше терпеть отвратительный запах в каюте.

– Хорошо, – наконец с достоинством произнесла она.

Дверь начала открываться и наконец с шумом распахнулась.

Последовало недоуменное молчание.

– Боже правый! – благоговейно произнес Коркоран, сорвав с головы шапку и приложив ее к сердцу.

В дверях стояла высокая темноволосая ухоженная англичанка в темно-красном дорожном платье с золотой тесьмой и в ротонде – модная и невероятно дорогая вещица, судя по безупречному крою, решил Флинт. У нее были темные блестящие волосы, глубоко посаженные синие глаза, тонкие черные брови, прямой нос, бледные полные губы, изящно очерченные скулы, упрямый подбородок. За спиной свисала шляпка с лентами.

Они молча и недоумевающе разглядывали друг друга.

Она выглядит совсем другой, подумал Флинт. Это она назвала его дикарем. Ей было скучно на балу. От нее исходил слабый аромат лаванды, когда она приподнялась на цыпочки и спросила его, считает ли он ее невинной, и Флинт испытал искушение, легкое пробуждение чувств, когда пелена скуки и формального обмена любезностями спала и они наслаждались откровенной, хотя и не очень простой для него беседой. Но уже тогда он знал, что она просто проверяет себя. Она действительно была невинна, но могла вести себя зло и бездумно. И любой мужчина, кто спровоцирует ее, дорого за это заплатит.

Ах да, ее брат был похож на Кота. Именно желание отомстить заставило Флинта пуститься в плавание.

– Мисс... – Он едва мог говорить от изумления. Неужели он только что обратился к женщине на своем корабле?

Да, на его корабле женщина. Господи, какой неприятный поворот.

– Редмонд, – с ледяной учтивостью подсказала Вайолет. Словно она давно привыкла произносить это имя, а потом наблюдать, как все будут почтительно кланяться.

О Боже!

Флинт вспомнил эту Редмонд. В ту ночь его представили богатому, влиятельному и могущественному Айзайе Редмонду. Он пошлет за «Фортуной» целую флотилию, если узнает, куда отправилась его дочь.

Флинт с отчаянием посмотрел в сторону удаляющегося Лондона, словно раздумывая, не стоит ли ему посадить Вайолет в лодку и заставить кого-нибудь из матросов доставить ее на берег. Но они были уже в открытом море. До ближайшего порта несколько дней пути.

Вайолет сделала реверанс. Флинт поклонился. Все это было так нелепо.

– Меня зовут Коркоран, мадам, – представился мичман, кланяясь.

– Рада познакомиться, мистер Коркоран. – У нее был красивый голос и благородные манеры.

Выглядела она вполне здоровой, хотя была бледна и под глазами стали заметны темные круги от бессонной ночи. Флинт подумал, не страдает ли она приступами морской болезни, однако по ней этого не было заметно – тогда кожа Вайолет имела бы зеленоватый оттенок. Можно было подумать, она просто вернулась с обычного веселого бала, если не считать невероятно чистой одежды и шляпки. Даже без служанки она сумела позаботиться о том, чтобы выглядеть безукоризненно.

Флинт заглянул в каюту.

Он увидел чемодан, переброшенный через спинку стула плащ и неказистый, комковатый матрас, на котором не было заметно вмятины от спящего человека. Одна из двух обычных кроватей на борту. Флинт спал на другой. Остальная команда ночевала в гамаках.

В каюте стоял специфический запах от множества когда-то ночевавших тут матросов: пота, перегара и других отходов человеческой жизнедеятельности. Каюту всякий раз тщательно мыли, но в ней всегда ночевали только мужчины. Другими словами, она пахла так же, как любая другая каюта на корабле, за исключением чистой каюты Флинта, потому что в ней спал только он один.

Его манеры были безупречны.

– Мисс Редмонд, – мягко произнес он, тщательно скрывая готовый вырваться наружу гнев, – какого черта вы делаете на моем корабле?

Коркоран откашлялся.

– Капитан, может, не стоит произносить таких слов перед мисс Редмонд? Она знатная ле...

Флинт бросил на него испепеляющий взгляд, и Коркоран закрыл рот.

После этого Флинт обманчиво ласково посмотрел на мисс Редмонд. Он дал ей несколько секунд на ответ. Отвечать она не спешила.

– Отлично. Пройдемте со мной, мисс Редмонд, и побеседуем наедине. Коркоран, пожалуйста, вернитесь к своим обязанностям. Спасибо, что обратили мое внимание на эту ситуацию.

– Да, сэр. Доброго дня, мисс Редмонд. – Он так напыщенно раскланялся, что чуть не коснулся колен своей лысеющей макушкой, после чего медленно попятился назад, не отрывая взгляда от мисс Редмонд, словно она была волшебным видением, а затхлая каюта – святилищем.

Наконец Коркоран выбрался на палубу.

Флинт был уверен, что он быстро сообщит новость другим матросам, немало при этом преувеличив.

«В какую же передрыгу я попал! Вечно эти англичанки все усложняют».

– Мисс Редмонд, – твердо повторил Флинт и жестом пригласил ее идти вперед.

Чуть помедлив, она упрямо вздернула подбородок и повиновалась. Что ж, смелость ей понадобится, угрюмо подумал Флинт.

Глава 5

Флинт открыл дверь каюты, своего священного убежища: элегантное и простое убранство, типично мужская комната, какие он всегда занимал с тех пор, как в восемнадцать лет впервые стал капитаном корабля. Эта была просторнее обычной каюты. Кровать, стол, зеркало, шахматная доска, маленькая картина, мишень для дротиков, несколько книг, карты на стене. Памятные знаки. Все здесь служило особой цели или было подарено ему дорогими людьми.

Флинт пропустил мисс Редмонд внутрь и закрыл дверь.

В каюте было несколько стульев, но он не предложил ей сесть. Просто повернулся к ней лицом и начал напористо задавать вопросы, словно выстреливал из лука.

– Как вы попали на мой корабль, мисс Редмонд?

– Я узнала, что ваш матрос, Ратскилл, недоволен службой, и его было легко подкупить, капитан Флинт. Он вас не очень-то жалуется.

Потеря Ратскилла не волновала капитана. Он был зол, что не в силах совладать с любопытством, и все же спросил:

– Сколько же он стоил?

– Пять фунтов. – В голосе Вайолет звучало удивление.

Флинт был тоже изумлен. Либо Ратскилл дурак, и тогда действительно лучше, что он ушел, либо он намного умнее, чем предполагал капитан, потому что решил отомстить ему, оставив вместо себя мисс Редмонд.

– После бала я сложила вещи и наняла экипаж, который довез меня до стоявшей на причале «Фортуны». Ратскилл на лодке доставил меня на борт и проводил в каюту для гостей, после чего отправился в Лондон тратить свои пять фунтов и наслаждаться свободой от вас.

– И в этой аванюре вы участвуете совсем одна?

– Да, – чуть помедлив, ответила Вайолет, оставив без внимания колкое замечание.

– Ваша семья знает о вашем местонахождении?

– Они думают, что я на празднике в Нортумберленде, куда отправилась сегодня утром в наемном экипаже. По крайней мере я просила слугу сказать им именно это. Он меня немного побаивается, поэтому не сомневаюсь, что он сдержал слово.

Все хуже и хуже.

– Но что вам здесь нужно?

Молчание Вайолет было скорее продиктовано нежеланием отвечать, нежели упорством. Она не знала, как сказать ему. Что ж, ему придется это выяснить.

– Вы желаете сбежать, чтобы не выходить замуж?

– Нет.

– Вы беременны и собираетесь броситься в море с борта моего корабля из чувства сожаления и потому что склонны к драмам?

– Нет! – Вайолет не покраснела, но в ее голосе слышался ужас.

– Отлично. Значит, я могу выбросить вас за борт.

– Я...

– Может быть, кто-то из членов вашей семьи избивал вас или плохо с вами обращался, так что сломя голову вы помчались в порт и пробрались на мой корабль, предварительно подкупив матроса, чтобы занять его место?

– Н...

– Значит, вы влюбились в Лавея и собираетесь последовать за ним на край света?

– Нет же!

Тут Вайолет на секунду отвела глаза.

– Возможно, одна из подруг подстрекала вас подняться на борт?

– Нет.

Флинт с такой яростью посмотрел на нее, что мог бы прожечь взглядом дыру у нее на коже между глаз.

– Мне нравится эта игра в угадайку, мисс Редмонд, но у меня мало времени и мне надо командовать этим чертовым кораблем.

Последние три слова он произнес, уже не сдерживая гнева.

Глаза Вайолет расширились. Он заметил, что она сжала кулаки. Кажется, его гневный выпад поразил, но не испугал ее.

Что ж, время покажет.

Какой изумительный цвет глаз: прозрачный синий, словно солнечный свет на волнах бурного моря. В суровой атмосфере корабля еще яснее ценишь красоту и изящество. А появление среди изголодавшихся по красоте моряков прекрасной женщины может привести к беспорядку, если не к катастрофе.

– Мисс Редмонд, – с суровой иронией произнес Флинт, – вы наконец скажете мне, зачем вы здесь?

И снова упорное молчание. Она все еще пыталась найти логическое объяснение. Женщины...

– Что ж, хорошо. Пока вы размышляете, с чего начать, потому что, уверяю вас, вы скажете мне правду, позвольте кое-что заметить. Вы отдаете себе отчет в том, к чему может привести присутствие такой женщины в компании мужчин, которые неделями, а то и месяцами, были лишены, мягко скажем, женского общества? Вы далеко не безобразны.

Только легкое движение глаз выдало ее изумление.

– В лести нет необходимости, капитан, – спокойно ответила она.

– Я и думать не смел о лести, никогда не считал ее нужной, к тому же я далеко не легкомысленный человек. «Фортуна» выполняет важное задание, которое может быть опасным. У меня небольшая команда трудолюбивых умелых мужчин, чья сила и ум требуются мне в течение всего дня. И каждый из этих мужчин способен как на галантную любезность, так и на, скажем так, животное поведение в присутствии женщины. Они будут сражаться друг с другом за ее внимание и благосклонность, и не важно, что эта женщина может быть невинна или происходить из знатной семьи.

Флинт ожидал, что Вайолет покраснеет, но этого не случилось. Она лишь сжала губы, и на ее лице появилось напряжение. Флинт видел в ее поведении невероятную стойкость или же наглость, но он не был уверен, что именно.

– Женщина могла бы с легкостью нарушить равновесие в коллективе. Уверяю вас, вы именно такая женщина. Ваше появление может поставить мою миссию под угрозу и привести разброд в команду, но ни один из моих матросов не заслуживает того, чтобы его душевное спокойствие было нарушено таким образом. Я решил рассказать вам все это на случай, если в вас вдруг проснется совесть, если уж вы недостаточно умны.

Вайолет слушала его слова, и ее лицо бледнело все больше. Она нервно сглотнула. Отлично. Значит, совесть у нее все-таки есть.

Однако Флинт заблуждался насчет ее бледности. Он действительно мог быть очень суровым.

Она рассердилась. А когда так бывало, она не контролировала себя.

– Неужели вы не в состоянии справиться с вашими людьми, капитан Флинт? – вежливо осведомилась она.

Флинт застыл на месте. На его лице появилось такое каменно-суровое выражение, что Вайолет показалось: у нее вот-вот застучат зубы. Она словно с разбегу наткнулась на стену.

Его голос зазвучал глуше, ровнее и еще более устрашающе.

– У вас должна быть веская причина подкупить моего человека и попасть на корабль. Потому что, если вы здесь из-за глупой прихоти, я без зазрения совести швырну вас за борт.

– Я уверена, что вас будет мучить совесть.

Ну зачем она это сказала? Вайолет боялась самой себя. Но сейчас дерзость была ее единственным оружием; наверное, так вели себя загнанные в угол животные: сражались до последнего.

Флинт ожег ее недоверчивым взглядом.

– Я не могу защищать вас каждую минуту, что вы находитесь на борту моего корабля, мисс Редмонд, и не могу позволить себе поручить эту обязанность кому-то из команды. Они не джентльмены, мисс Редмонд. – Боже, с какой иронией он произнес это слово! – Кое-кто из них при иных обстоятельствах может быть даже назван негодяем. Другими словами, они моряки и бойцы.

Вайолет знала, что нарушает правила. Но надменный тон Флинта сводил ее с ума.

– Я не позволю никому из них ко мне прикоснуться, милорд. Я не так беспомощна, как вы можете подумать. Разве я не подкупила Ратскилла? Осмелятся ли они пойти на поводу у своих животных инстинктов, как вы выразились, если узнают, что им за это грозит? Просто скажите им, что сдерете с них кожу заживо. Вы ведь капитан, а они вам преданы.

Надеясь, что поразила Флинта своими познаниями в области корабельных наказаний, Вайолет собралась было уйти, вспомнив о своем чемодане с двадцатью фунтами в каюте для гостей. Нужно было убедиться, что он как следует заперт.

Словно во сне краем глаза она видела, как он протянул руку и схватил ее.

Ее предплечье было будто зажато в тисках.

Вайолет лишь успела отметить, что Флинт схватил ее слишком грубо и что за всю жизнь к ней так не прикасались. Она совсем не могла шевельнуться, пока он резко не развернул ее лицом к себе.

Мгновение он удерживал ее на месте, удерживал больше свирепостью своего взгляда, а потом медленно отпустил, и его пальцы скользнули вниз по ее руке, оставляя горячий след от прикосновения.

Флинт ясно дал понять: если пожелает, он может сделать с ней все, что угодно, и даже прикоснуться к ней.

Вайолет была поражена.

Она едва удержалась, чтобы не потерять руку. Ей не было больно, но казалось, что его пальцы оставили на предплечье след. На ее щеках выступил румянец – то ли от гнева, то ли от унижения, или от того и другого. Вайолет словно утратила дар речи.

Она лишь молча смотрела на Флинта.

– Так-то лучше. Я хочу, чтобы на меня смотрели, когда я говорю, мисс Редмонд, и как капитан корабля я предпочитаю сам решать, окончен разговор или нет. Наш с вами разговор не окончен. И смотрите-ка, я осмелился дотронуться до вас!

Он ждал ее ответа. Вайолет хватило благоразумия промолчать.

– Вы кое-чего не понимаете. Я могу воспользоваться вами когда пожелаю и как пожелаю, если мне придет в голову такая мысль. А почему, собственно, и нет? Ведь я предпочитаю, чтобы мои женщины тоже работали. И я сильно сомневаюсь, что за всю жизнь вы приложили хотя бы минимум усилий.

Это кажется нелепым, но прежде всего ее поразила безупречная речь капитана, хлесткие удары словами. Она вспомнила своего французского наставника: тот же великолепный английский из уст человека, для которого этот язык чужой.

Граф обладал хорошими манерами.

Он жонглировал словами как трюкач, подбрасывающий светящиеся шары. Но за этими словами крылась его истинная натура, нечто такое, что ощутили все гости на балу в тот вечер, но так и не смогли понять.

Дикарь. Так его называли.

Он пристально смотрел в лицо Вайолет.

– Полагаю, вы понятия не имеете, о чем я говорю.

И только тут до нее дошло. По телу поочередно пробежали волны холода и жара. Конечно же, она прекрасно поняла его. Воспользоваться... Как животное.

Но никогда прежде она не слышала, чтобы слово «работать» употреблялось в подобном значении. Наверное, «дамы» из «Бархатной перчатки» именно так его и воспринимали.

– Я поняла вас, – ответила Вайолет ледяным тоном. По крайней мере она старалась. Ее голос звучал хрипло и испуганно.

Капитан насмешливо поднял брови.

– Что ж... Интересно, почему вы считаете, будто я не способен на это из прихоти? Я ведь животное и тому подобное, – рассеянно спросил он. Однако в его глазах сверкала нескрываемая ярость.

Они смотрели друг на друга.

– Вас называют дикарем, – поправила Вайолет. Ей хватило ума ничего не сказать в ответ на его другое замечание.

Его взгляд стал еще более недоверчивым.

Вайолет настороженно, не мигая, смотрела на него, и хотя сама она того не подозревала, ее взгляд был очень похож на взгляд ее брата Майлза, натуралиста, когда он пристально разглядывал хищные растения и разных ползающих гадов. Никогда прежде она не встречала людей, подобных графу Эрдмею.

– Так вы, мисс Редмонд, привыкли обращаться с мужчинами как с игрушками или слугами? Интересно, к какой категории вы отнесли меня?

Вайолет замолчала. Прежде она никогда не задумывалась об этом.

И когда наконец она поняла, что капитан прав, ее снова ослепил гнев. Словно он только что уличил ее в подглядывании сквозь замочную скважину. Граф открыл ей новую сторону ее характера, мягко говоря, не самую приятную.

Порой Вайолет обращалась с молодыми людьми, имевшими неосторожность приблизиться к ней во время бала, как с насекомыми во время пикника: их присутствие было неизбежно, хотя, кажется, они вполне привыкли, что их могут прихлопнуть.

– Совершенно определенно не к игрушкам, – сухо ответила она.

На его лице появилось странное выражение: ей показалось, что он сдерживает смех или у него вдруг начался приступ желудочных колик.

– Мисс Редмонд, удивительно, что мне приходится все это вам говорить, но на случай, если у вас все же есть совесть, знайте: заплатив моему бывшему моряку, чтобы пробраться на борт, вы совершили опрометчивый и эгоистичный поступок. Мне известна ваша репутация, но вы поставили и меня, и мою команду в неловкое положение, напугали свою семью, устроили скандал, и все из-за чего? Ради шутки, из простой прихоти...

Вайолет больше не желала слушать.

– Это не шутка, – прошипела она.

К счастью, граф замолчал на мгновение. Повисла зловещая тишина.

Вайолет не могла больше сдерживаться.

– Да, вы правы, я поступила безрассудно. Импульсивно? Прекрасное слово, капитан Флинт. Но это не простая прихоть. Мой брат Лайон, наследник отца, исчез больше года назад. Вы понятия не имеете, сколько горя принесло его исчезновение нашей семье, но я вам скажу

так: все притворяются, будто все отлично, но на самом деле мы опустошены. И я подозреваю, что вы тоже пытаетесь найти его. Впервые за долгое время я услышала весть о нем.

– Что это значит, черт возьми?

– Это значит, что мой брат Лайон Редмонд может быть мистером Хардести или, как вы его зовете, Котом.

Глава 6

Молчание.

– Вы думаете... – Выражение лица графа было непостижимым. – Продолжайте.

– На балу вы обратили внимание на Джонатана. Вы сказали, он запросто мог бы оказаться близнецом мистера Хардести. А Джонатан очень похож на Лайона. Он исчез ночью больше года назад. Все считают, что ему разбила сердце мисс Оливия Эверси.

– Оливия, – мрачно повторил граф после секундного молчания. Сама Вайолет никогда бы не произнесла имя мисс Эверси лучше.

– Я пыталась рассказать Джонатану все, что мне удалось узнать от вас о Коте. И судя по его реакции, я поняла: мне не следует ничего говорить отцу, потому что никто в моей семье мне не поверит, никто не станет меня слушать. Конечно, они все очень любят меня, но, мне кажется, никто не представляет, какая я на самом деле. С чего бы им верить женщине? Зачем верить мне, особенно учитывая мое так называемое безрассудство? Кто-то должен предупредить Лайона, потому что я знаю, что вы собираетесь с ним сделать, капитан. И вот, когда я поделилась с вами своими подозрениями, вы разрешите мне остаться на корабле? Конечно, нет. Вы моя последняя надежда найти Лайона и спасти от вас, капитан Флинт. Кроме того...

– Есть еще и «кроме»? – ровным голосом перебил Флинт.

– Я не ребенок. Моя семья одна из благороднейших и старейших во всей Англии, и, осмелюсь сказать, даже вам известно, как вести себя в присутствии леди. Несмотря на все причиненные вам неудобства, я была бы благодарна, если бы вы вспомнили свои манеры, потому что ваше поведение не делает вам чести и лишь укрепляет всеобщее мнение, что вы дикарь, капитан Флинт. – Последние слова Вайолет произнесла свистящим шепотом. – Сущность настоящего джентльмена проявляется тогда, когда никто не может стать свидетелем его прекрасных манер. Не думаю, что вы в состоянии это понять, милорд, но благодаря древности нашего рода я уже не должна работать, если мне этого не хочется. Только подобные вам считают необходимость труда добродетелью. Именно благодаря труду моих предков мне уже не приходится трудиться, и моя семья считает это честью.

Слушая монолог Вайолет, Флинт ни разу не шевельнулся, лишь моргнул, словно она плеснула ему в глаза водой. После этого его взгляд вдруг стал живым и необычайно заинтересованным.

Вайолет закончила.

Флинт так долго хранил молчание, что ее гнев постепенно утих, не находя выхода. Она чувствовала себя уставшей, слабой, безвольной, похожей на покинутый гусеницей кокон. Ей казалось, что одно дуновение ветра способно сбить ее с ног.

Капитан казался задумчивым.

– И вы всерьез полагаете, что ваш брат Лайон и есть тот самый пират, потому что ваш младший брат похож на Кота, а корабль называется «Оливия»?

Любые слова, сказанные подобным тоном, звучали нелепо. Вайолет ничего не ответила.

– И что вы намерены делать – помешать мне передать вашего брата в руки правосудия?

Флинт был готов рассмеяться. Кажется, с ним вот-вот случится истерика. Вайолет знала: ей этого не вынести. Он говорил, с трудом сдерживая себя.

Она выпрямилась. Вайолет никогда не признается, что подобная мысль не приходила ей в голову. Она привыкла принимать решения на месте. Скорее она предпочитала это делать, потому что именно так обыденная жизнь наполнялась яркими красками.

– Возможно, вы могли бы использовать меня в качестве приманки во время поисков моего брата, если он действительно этот самый Кот. Вы сможете выманить его, если сообщите, что я с вами. Да, я намереваюсь предупредить его о вашем присутствии, как только вы меня к

нему приведете. Если он и правда Кот, я уверена, что здесь какая-то ошибка. Лайон не может быть жестоким пиратом. Так что пусть победит сильнейший.

Боже, сколько эмоций сменилось на его лице за время долгой паузы!

Он пристально посмотрел на Вайолет.

– Скажите мне, мисс Редмонд, – задумчиво спросил он, – вам часто бывает скучно?

Вайолет могла поклясться, что у нее под ногами качнулся пол.

Должно быть, это было заметно. Она смотрела на капитана, чувствуя себя совершенно уязвимой. Откуда он узнал?

Уголок его губ чуть приподнялся. «Я так и знал». Ему стало смешно. Этот чертов умник хорошо понимал ее, но вот верить ей не спешил.

И тут Вайолет осенило: ведь это с ней всю жизнь обращались как с игрушкой. Ее баловали, ругали, иногда несильно наказывали, но всегда держали на изысканном, невидимом шелковом поводке, удивительно цепко держали ее братья или родители, что бы она ни делала, куда бы ни пошла, как бы нелепо или бездумно себя ни вела. Никто особенно не нуждался в ней. Конечно, она была такая же, как все лондонские аристократы.

Но Вайолет понятия не имела, как вести себя с такими людьми, как граф Эрдмей.

Он заговорил тише, мягче. Вайолет была сбита с толку – она уже привыкла к его резкому тону.

– ...и я бы никогда в жизни, мисс Редмонд, не причислил ту «работу», о которой говорил, к добродетелям.

Его голос был похож на дым благовоний, просачивающийся сквозь запертые двери публичного дома. Вайолет интуитивно чувствовала, как этот голос буквально скользит по ее коже словно грубый шелк.

Граф все просчитал.

Сейчас он решил с ней поиграть. Сложившаяся ситуация показалась ему такой смешной, что он не устоял.

И это почти сработало. Вайолет сделала глубокий вдох.

Он вынудил ее спорить с ним. А это было все равно что идти по шатающимся сходим над бурными волнами. В случаях с мужчинами Вайолет прибегала к спору крайне редко. Ей всегда удавалось справиться с ними, и благодаря разнообразию стратегий она всякий раз побеждала скуку.

Домашние любимцы или слуги...

– У вас есть братья или сестры, капитан, лорд...

– Довольно и «капитана». Я понятия не имею – возможно, есть целая дюжина. Я не знаю моего отца.

Вайолет застыла. Ее губы непроизвольно приоткрылись. Она никак не ожидала, что будет беседовать с таким человеком. Даже представить существование подобного типа было очень трудно.

Неужели у него нет семьи? Никого? Внезапно Вайолет ощутила волну жалости, но тут же отмахнулась от нее. Не такой граф человек, которому нужна жалость или который захочет ее принять.

– Я вас пугаю, – уверенно заявил он.

Вайолет вздохнула.

– Немного, – призналась она. – Вы делаете это нарочно?

Граф как-то странно взглянул на нее. И тут, к ее полнейшему удивлению, он ухмыльнулся. Вайолет заметила три поразительные вещи: в углу его губ появилась ямочка, похожая на полумесяц, его глаза оживились, словно над темным морем сверкнула вдруг молния, и... Вайолет на миг затаила дыхание, будто бы эта молния поразила ее прямо в грудь.

– Вряд ли мне это нужно. Наверное, я просто такой и есть.

Дыхание Вайолет выровнялось, но она не могла отвести взгляда от того места, где только что была ямочка. Она тут же наказала себя за эту глупость, с силой вонзив в ладони ногти. У больших, страшных мужчин не должно быть никаких привлекательных черт вроде ямочек, с негодованием подумала она.

Лицо капитана смягчилось, но Вайолет не верила, что ей удалось его очаровать.

– Глупости! Вы недооцениваете меня, капитан Флинт, – холодно произнесла она.

Бравада. На самом деле он быстро ее раскусил.

«Вы утомляете меня, капитан Флинт, и пугаете меня». Никогда прежде ни один мужчина не смог напугать Вайолет.

«Но что хуже всего, вы заинтересовали меня».

Последняя мысль была самой ужасной, потому что впервые в жизни Вайолет испытывала неподдельный интерес к мужчине. И всему виной мимолетная улыбка и эта ямочка. Вайолет с ужасом поняла, что и ей не чуждо ничто человеческое.

У нее дрожали ноги от страха, усталости и от того, что она слишком долго, отчаянно храбрилась, хотя до сих пор прикрывалась лишь гордостью, надменностью, элегантностью и остроумием. Вайолет хотела забыться сном, забыть о графе, но вспомнила о крошечной качающейся зловонной каюте, о твердой койке с тонким бугристым матрасом, где наверняка кишат маленькие твари, о которых ее брат Майлз с удовольствием написал бы упоительную книгу.

Когда Вайолет осталась одна в каюте, она не осмелилась устроиться на койке, а села на стул рядом с ней, словно кровать была каким-то хищным зверем. Эти несколько часов стали очень тяжелыми. Она чуть не выбежала в панике из каюты, когда почувствовала, как корабль снялся с якоря и вышел в открытое море.

Вайолет подумала о Лайоне, о том, как хорошо было бы, если бы он вернулся домой. Она бросила взгляд на шахматную доску графа и с тоской вспомнила Майлза. Скорее всего сейчас он сидит, склонившись над доской у камина со старым мистером Калпепером в пабе «Свинья и чертополох» в Пенниройял-Грин, полностью погруженный в игру, а его жена Синтия с восхищением наблюдает за ним.

Как жаль, что ей не удалось рассказать о своих подозрениях Майлзу. Поверил бы он ей? Скорее всего не поверил бы, особенно если бы она упомянула о цыганке и Лавее. Даже Майлз тянул ее невидимый поводок и ласково похлопывал ее по голове.

От отчаяния в голову Вайолет пришла безумная идея. Итак, справиться с графом невозможно. Однако это не означает, что надо отбросить все мысли об играх. Эта стратегия не работает. Вайолет ужасно хотелось отвоевать хотя бы часть потерянной гордости, не говоря уже о доверии.

– Вы играете в шахматы, милорд?

Граф удивленно посмотрел на нее.

– Шахматы, – повторил он, будто впервые услышал это слово.

Вайолет указала на красивый шахматный набор на столике в углу.

– Видите ли, сегодня мне не хотелось бы спать в этой мышиной норе...

– Мне ужасно жаль, что вам не придется поспать, мисс Редмонд. К тому же мыши мне всегда казались такими счастливыми.

Вайолет не сдавалась.

– Я предлагаю сыграть партию в шахматы за право провести ночь в вашей более приятной каюте. Если я выиграю, то в мышиной норе придется спать вам.

У нее были лучшие шахматные учителя во всем Суссексе. Брат Майлз помог ей отточить мастерство. Вайолет прекрасно знала, что умна.

Флинт чуть ли не поморщился от столь безрассудного предложения.

– Вы готовы играть в шахматы за право спать в моей постели?

Но даже он знал, что это слишком грубый намек. В уголках его рта появились морщинки. Вайолет пристально наблюдала за ним: не улыбнется ли он опять.

И вновь ему удалось заставить ее почувствовать себя глупо.

– Я сделаю маленькое усилие, как вы выразились. – Вайолет заметила, как мрачно блеснули его глаза, потому что она нарочно сказала это, она была хорошей ученицей и не прочь подразнить быка. – Если я выиграю, то буду спать на более удобной постели. А вы будете спать в той ужасной каюте. Вы боитесь проиграть?

Она знала, что граф останется безучастным к ее уколу.

Он молчал, словно оценивая ее.

Потом он так устало вздохнул, что Вайолет пожалела было его, но тут же вспомнила, что это она вызвала этот раздраженный вздох.

– Мисс Редмонд, ради всего святого... – Сколько деланного терпения в его голосе. – Я капитан этого корабля. Почему вы решили, что я стану играть в шахматы ради... – Он покачал головой, словно не в силах закончить фразу. – Я превосходно играю, – слабо добавил он. Вайолет подумала, что Флинт сейчас закроет лицо руками и горестно покачает головой.

– Значит, игра не затянется, – быстро ответила она. Ладони ее стали холодными и влажными, и она незаметно скрестила пальцы на удачу.

Граф посмотрел на нее, потом перевел взгляд на дверь, словно прикидывая, предпочесть ли свободу попыткам угодить своей безбилетной пассажирке.

Он снова вздохнул, направился к шахматной доске и задумчиво повертел в пальцах отполированного коня из слоновой кости.

– Сколько денег вы с собой взяли? – Флинт пристально посмотрел на Вайолет. – Полагаю, они у вас есть?

Вопрос удивил ее.

– Двадцать фунтов.

– Двад... – Он запнулся на полуслове и снова покачал головой с загадочной, недоверчивой улыбкой. – Хорошо, мисс Редмонд. Мы сыграем одну партию в шахматы. Если вы выиграете, то будете спать в моей каюте, а я переночую в «мышинной норе», как вы соизволили оскорбительно назвать предоставленную вам на моем корабле каюту. Я высажу вас в следующем же порту и найду человека, который доставит вас домой в целости и сохранности. Деньги вам пригодятся.

Вайолет испытала легкий укол совести: назвать каюту «мышинной норой» было действительно в высшей степени оскорбительно. Наверное, она повела себя невежливо, но и поведение Флинта не способствовало проявлению ее лучших качеств.

И тем не менее его предложение не пришлось ей по вкусу.

– Но...

– Не спорьте со мной. Я еще не закончил. А если вы проиграете, то отдадите мне пять фунтов в счет стоимости вашего плавания и я доставлю вас и ваш багаж в порт. Если ветер не переменится, мы доберемся до Гавра за два дня. Тогда вы будете сами искать постоянный двор и дорогу домой; можете присоединиться к бродячему цирку, поступить в бордель или убраться к черту – мне все равно. Всю жизнь вы принимали покровительство мужчин как должное, мисс Редмонд. Как должное вы принимали ваш комфорт, привилегии и безопасность. Даже сейчас вы полагаете, что я позабочусь о вас, что мужчины всегда будут защищать вас, несмотря на все ваше безрассудство. А мне... – Капитан сделал паузу, вытащил из кармана часы и сверил время. Даже в течение этого монолога его мысли витали где-то далеко. – ...это не нравится.

Он поднял голову. Его глаза сверлили Вайолет. Последние слова эхом отдавались в комнате. Выражение лица капитана ясно говорило, что он настроен серьезно.

Вайолет ничего не ответила.

– И даже сейчас вы, похоже, не верите, что я могу бросить вас на произвол судьбы. – Он захлопнул крышку часов и снова убрал их в карман. – Так испытайте же меня.

Он разгромил ее прежде, чем началась игра.

Вайолет пристально смотрела на него и с трудом сглотнула.

Он это заметил, судя по блеску в его глазах. Он был доволен. Вайолет подумала, что он из тех, кто никогда ничего не упускает из виду, потому что любая деталь может иметь значение.

Думая так, она вся дрожала.

– Я принимаю ваш вызов. – Странно, но голос Вайолет звучал вполне твердо.

Флинт коротко кивнул, словно ее согласие его ничуть не удивило, носком начищенного сапога лениво пододвинул ей стул, естественно, на той стороне стола, где были расставлены белые фигуры, и жестом пригласил ее сесть.

По молчаливому согласию во время игры никто из них не разговаривал. В любом случае они не умели вести друг с другом приятную светскую беседу: утонченно-грубоватый капитан с невероятным титулом и юная аристократка, случайно оказавшаяся на его корабле, – к тому же недолюбливали друг друга и уже порядком устали.

И все же Флинт не назвал бы эту партию тягостной. Ему было по душе молчание, так необходимое при игре, прикосновение к изящным шахматным фигурам.

Шахматы ему подарил старый друг, капитан Морхарт, поэтому их сегодняшняя игра наполнялась еще более глубоким смыслом.

Флинт был счастлив, пока не понял, что проигрывает.

Он играл в шахматы с раджами и разбойниками, с самыми лучшими знатоками игры. Он был умен, внимателен, сообразителен, безжалостен и изобретателен, и все его лучшие качества проявлялись во время игры. Флинт был великолепным игроком.

Но Вайолет оказалась сильнее.

Осознание этого причинило ему сильную боль. Он с трудом подавил закипевший гнев, но после ее очередного умного и расчетливого хода гнев снова поднялся в его груди. Уязвленная гордость и ярость боролись в душе капитана.

Наконец им на смену пришло мрачное удивление. На затылке выступили капли пота и поползли вниз по спине. «Это выходит моя гордость», – язвительно подумал Флинт.

Вайолет умело подводила его к концу партии.

Внезапно он понял, что она манипулировала им все время: и в мышиной норе, и здесь.

Черт побери!

Вайолет не торжествовала. Сделав ход, она выжидательно поднимала на него спокойный, чуть настороженный взгляд, и ее блестящие глаза с темными кругами от усталости безмолвно говорили ему, что теперь его очередь.

За этим гладким бледным лбом скрывался неожиданно острый ум, способность анализировать и выстраивать стратегию – качества, превосходно подходящие для какого-нибудь мужского занятия – например планирования сражений или попытки заключенных – и способные служить благой цели. Конечно, с учетом склонности Вайолет к необдуманным поступкам. Некоторые женщины получают удовольствие от общественной деятельности, мрачно подумал Флинт. Ему стоит предложить это мисс Редмонд.

«Кто научил тебя играть в шахматы? С кем ты обычно играешь, с одним из братьев?»

Флинту казалось, что у Вайолет неостанет терпения для такой игры. И все же она так упорно стремилась найти своего брата, была так убеждена в своей правоте, какой бы нелепой и бессмысленной ни казалась эта затея.

Каково это: любить брата всей душой, ощущать себя частью семьи, иметь свой дом?

Вскоре Флинт сумеет создать свою семью, а Кот – лишь средство для достижения цели.

Он не хотел, чтобы в наступившей тишине любопытство одержало верх. Он понимал, что мисс Редмонд сочтет любопытство за некий знак благожелательности. И все же тишина способствовала более тщательному обдумыванию, поскольку разум не терпел бездеятельности. Флинт убедился в этом в турецкой тюрьме. Пустячные вещи могли наполняться особым значением. И, сам того не осознавая, Флинт замечал многое. Крохотная родинка привлекла его внимание к изящному изгибу нежных полных губ. В свете лампы кожа Вайолет казалась жемчужной, была гладкой и без единой морщинки благодаря постоянному ношению шляп и чепцов.

Странно... Флинт редко так подробно разглядывал женщин. Обычно они оба просто наслаждались друг другом. А теперь он думал не о шахматах, а о Фатиме. Флинт нетерпеливо поерзал на стуле.

«Вы меня недооцениваете, капитан Флинт».

Он редко недооценивал людей. Ему совсем недавно напомнили, как это может быть опасно.

В тюрьме Флинт усвоил еще один урок: как мужественно принимать удары своей судьбы. Он знал, что через два хода проиграет, поэтому решил стойчески ждать, пока первый ход не сделает Вайолет.

Но тут он заметил, что она слишком долго размышляет.

Она вздохнула и изящно подперла рукой подбородок.

Флинт все ждал и ждал.

На его лице появилось сердитое выражение. Он медленно перегнулся через стол. К губам Вайолет пристала прядь темных волос. Она чуть заметно, ритмично колыхалась. Веки были закрыты, а он-то думал, что она, задумавшись, опустила глаза. Ресницы чуть подрагивали на щеках.

Вайолет спала.

Вот это да!

Флинт откинулся на спинку стула – зрелище его позабавило – и скрестил на груди руки.

Если не считать выбившейся пряди, Вайолет выглядела так, словно только что, одетая, вышла из своей комнаты в сопровождении горничных-француженок. Что это: отточенное умение или странная мания? Вайолет Редмонд выглядела превосходно, а, по мнению графа, чуть растрепанный вид делал женщину еще привлекательнее. Она была не из тех женщин, кто выглядит во сне такой невинной, несмотря на шелковистый локон, трепещущий на пухлых губах. Флинт не мог представить Вайолет спокойной, как Фатима, которая могла и утешить, и доставить мужчине наслаждение. Даже теперь ресницы Вайолет Редмонд дрожали на голубоватой коже под глазами, словно в ее голове постоянно роились нелепые планы.

Флинту было почти жаль мужскую часть семьи Редмонд, потому что, пытаясь удержать Вайолет под контролем, они в любом случае были обречены проиграть.

У Флинта мелькнула озорная мысль предоставить силе тяжести довершить работу. Будет приятно посмотреть, как лицо Вайолет неизбежно коснется шахматной доски, а на следующее утро она встанет с отпечатком ладьи на щеке и вытекшей во сне слюной. Проснется она растрепанной.

Вайолет мерно дышала.

Проклятие! Флинт перевел дыхание, тихо отодвинул стул и поднялся: ему не хотелось, чтобы Вайолет проснулась с отпечатком ладьи.

Мысль вызвала у него раздражение. Виноваты ли шведские фиорды в своем величии, в вызываемом ими благоговении? Они просто созданы такими, какие есть.

Вайолет Редмонд была создана такой.

Флинт в глубине души преклонялся перед ее чувством собственного достоинства, словно ее царственный вид вызывал в нем какую-то дремавшую веками угодливость.

Ему было неприятно это осознавать.

Он еще раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, затем подхватил Вайолет на руки.

Боже, аромат ее волос был таким пьянящим, что Флинт на мгновение замер от восторга. Ее руки упали ему на спину, и кончики пальцев слегка касались его, напоминая, как давно женские ладони не скользили по чувствительным частям его тела, вызывая приятные ощущения в паху. Вайолет что-то сердито пробормотала. Флинту показалось «Лавей». Нет, конечно, он ослышался.

Он заставил себя двинуться с места. Крепко обхватив ее изящные округлые бедра, он быстро пошел к кровати. Во время этих трех коротких шагов все чувства Флинта кричали: «Женщина! Ты держишь на руках женщину! Ради Бога, опомнись, дурак!» Словно цепные псы, они рвались на волю: попробовать ее на вкус, ощутить ее запах, – и Флинту только оставалось следить, чтобы его руки не шарили по ее телу.

Он уже не был мальчиком и знал более сильные искушения.

Флинт быстро и осторожно положил Вайолет на свою кровать, словно она была чем-то опасным. Она вздохнула, что-то пробормотала и нахмурилась, но веки так и остались закрытыми, голова упала набок, и рот чуть приоткрылся.

Флинт не часто видел, чтобы так крепко спали.

Глупая девчонка, гневно подумал он. Ему нужно вызвать на дуэль всех мужчин из семьи Редмонд. Они настолько испортили ее, что она принимает покровительство как должное и доверчива безмерно, учитывая ее необузданный нрав. Она так устала, что заснула прямо в обществе незнакомца, которого вряд ли можно назвать безобидным. Он был вполне способен заняться любовью с женщиной, которая ему неприятна, лишь бы удовлетворить свое желание. Он умел убедить женщин, будто они именно об этом и мечтают. В конце концов Флинт мужчина, а мужчины созданы именно для этого.

Он отступил назад, направляясь к двери, взялся за дверную ручку, но на мгновение замер, опустив плечи, потом со вздохом повернулся и направился к шахматной доске.

Очень осторожно он опрокинул фигурку черного ферзя.

Проснувшись на следующее утро, мисс Редмонд ее заметит и поймет, что он знал, чем кончится игра. Если она достаточно умна, то догадается, что, несмотря на все ее усилия, он всегда сможет предугадать ее следующий шаг.

– Шах и мат, – прошептал Флинт и отправился спать в душную каюту.

Глава 7

Вайолет пробудилась ото сна, но прошло несколько минут, прежде чем она это поняла. Она тут же заметила, что совершенно одета, а комната слегка покачивается, как будто огромная колыбель. В изумлении Вайолет крепко схватила одеяло, чтобы убедиться в его реальности. Оно уже успело нагреться от солнечных лучей, проникавших сквозь зашторенное окно. За окном небо. Комната покачивалась на волнах. Она в море, на корабле.

Боже, она действительно на корабле из-за Лайона!

Вайолет сделала несмелый вдох и, почувствовав чужой, крепкий и определенно мужской запах сигар, гвоздики, крахмала, лосьона для волос, моря и пота, мгновенно уселась на кровати. Ей вдруг стало страшно. Тут Вайолет заметила, что все ее тело одеревенело из-за сна на чужом матрасе и ночью с ноги свалилась туфелька.

Вайолет посмотрела прямо перед собой и увидела в красивом зеркале, висевшем над низким комодом с принадлежностями мужского туалета, отражение испуганной, раскрасневшейся после сна женщины. В углу стоял рукомойник, а рядом висели полотенца. На одной стене она заметила маленькую изящную картину с изображением экзотического ландшафта – темно-желтые песчаные пляжи, пальмовые деревья, горы и маленькие побеленные домики. К другой стене приколата огромная карта, к третьей – мишень для дротиков. На полу два маленьких вычурных ковра в ярко-красных и кремовых тонах. Простая, элегантная, почти спартанская обстановка – наверное, Флинт тщательно отбирал каждую вещь, привезенную из дальних странствий. Тут она вспомнила, что Лайон захватил с собой лишь шкатулку из палисандрового дерева.

В дальнем углу висела полка с книгами, которые Вайолет не терпелось просмотреть, рядом с кроватью – два стула с крепкими спинками и стол, а на нем...

Ах да, шахматная доска. Увидев ферзя графа, лежавшего на доске, словно его сбили другой фигурой, Вайолет в мгновение ока все вспомнила.

Она улыбнулась, и ее щеки загорелись от радостного торжества. Граф знал, что она вот-вот выиграет. Ему хватило смелости признать свое поражение и сохранить их соглашение в силе. Удивительно.

Но тут улыбка исчезла с лица Вайолет. Как она попала в кровать? Она совершенно ничего не помнила.

Вайолет поспешно ощупала свой наряд и, убедившись, что все на ней, соскочила на пол, чтобы как следует осмотреться.

Потолок был так низок, что Вайолет чувствовала себя словно в загоне и в то же время защищенной. Ее голова не касалась потолка, но графу, возможно, приходилось слегка наклоняться.

Она сняла смятую шляпку и попыталась придать ей приличный вид. Встала перед зеркалом, которым капитан наверняка пользовался каждое утро, вынула шпильки, торчавшие из волос, провела по ним рукой, закрутила наверх и снова невероятно быстро и умело заколола. Сгодится, пока она не вернется в свою ужасную каюту, где стоит ее чемодан, и не причешется как следует. Вайолет потерла заспанные глаза, отряхнула и пригладила платье, нашла упавшую туфельку.

Теперь самое время осмотреться.

Прежде всего Вайолет изучила пейзаж – наверное, он очень многое значит для графа, поскольку в каюте нет других картин. Подошла к комоду, заставленному необычными предметами мужского туалета, и понюхала мыло для бритья. Она как раз вспоминала волнующий запах графа, склонившегося к ней во время вальса, когда раздался стук в дверь. У нее тут же

вспотели ладони, мыло выскользнуло из рук, перелетело через всю комнату и приземлилось под кроватью.

Проклятие!

– Это лорд Лавей, мисс Редмонд, я принес вам завтрак.

Лавей! Мысль о беседе с красивым и неспособным устоять перед ее чарами мужчиной приободрила Вайолет, а при слове «завтрак» ее желудок жалобно заурчал, словно побитая собачонка. Она нагнулась и принялась шарить под кроватью в поисках мыла, но никак не могла его нащупать. Когда снова раздался стук, Вайолет отказалась от своих попыток и поспешила открыть дверь.

Было ясно, что Лавей необычайно рад ее видеть. Его серые глаза светились молчаливым одобрением. Скорее всего он не поддастся своим животным порывам.

– Доброе утро, лорд Лавей. – Вайолет сделала реверанс. – Полагаю, капитан сообщил вам, что я на борту. Большое спасибо, вы очень добры.

Вайолет приняла поднос. На нем стояла куполообразная миска. Она огляделась в поисках свободного места и осторожно опустила поднос рядом с шахматной доской.

Упавший ферзь чуть откатился в сторону, словно тоже страдал желудочной коликой. Вайолет не стала поднимать его – он напоминал ей о недавней победе.

– Да, Коркоран уже всем рассказал чудесную историю о вашем появлении на корабле. Можно подумать, что к нам в сети попала русалка. Мы даже решили устроить кулачный поединок в камбузе за право принести вам завтрак, и я выиграл.

– Кулачный поединок? – Звучало угрожающе. Именно это и предсказывал капитан. Господи, ей удалось сразить всю его команду. Вайолет внимательно осмотрела Лавей в поисках синяков. – И вы победили?

Мистер Лавей рассмеялся.

– Ваше недоверие ранит меня до глубины души, мисс Редмонд! Что ж, признаю, матросы вспомнили о моем статусе прежде, чем спор стал чересчур ожесточенным. Прошу прощения, я невольно навел вас на мысль, что вы могли вызвать кровопролитие.

Кровопролитие! Вайолет еще ни разу не становилась его виновницей.

Возможно, у нее еще будет время.

– Не бойтесь, мистер Лавей. Я быстро оправлюсь от испуга, – серьезно ответила она.

Лавей улыбнулся.

– Вы совсем не выглядите испуганной.

Она улыбнулась в ответ, заново присматриваясь к нему. Вайолет оценила его пронзительность и чувство юмора. Джонатан назвал Лавей вкрадчивым. Скорее всего он просто завидовал. Лавей казался ей таким же элегантным и непринужденным, как на балу во время их танца. В его присутствии ее дыхание не учащалось, а настроение оставалось прежним.

Но Вайолет вспоминала, как ее всегда сдержанный брат Майлз именно из-за любви ударил лорда Аргоси. А Лайон исчез и, возможно, стал пиратом. Кажется, любовь всегда сопровождалась безрассудными поступками и нелепым поведением.

Возможно, она просто невосприимчива к любви.

Вайолет не знала, стоит ли ей по этому поводу радоваться или горевать.

– Как интересно, что нам привелось встретиться при подобных обстоятельствах, – добавил Лавей, приглашая к разговору. Как это не похоже на безжалостный допрос капитана.

Но тут как по волшебству за дверью раздались шаги, и они оба виновато обернулись.

Через несколько секунд в дверях появилась большая тень.

– Доброе утро. Полагаю, вы хорошо спали, мисс Редмонд?

Низкий голос графа звучал сухо и буквально обжигал. От такого голоса спины делались прямее, а головы начинали виновато вертеться в поисках занятий. Вайолет представляла, какое

впечатление он производил на свою команду, поскольку и она тоже быстро повернулась на его голос, однако работать была не намерена. Лавей тут же выпрямился и бодро поклонился.

Вайолет не верила, будто графу небезразличен ее сон.

– Я хорошо спала, спасибо. А вы? – Вайолет не удержалась от дерзости.

Граф сурово нахмурился. После ночи, проведенной в «мышинной норе», он выглядел прекрасно: ухоженный, с живыми глазами, губы плотно сжаты. Ему было нужно побриться. Чуть наметившиеся бакенбарды шли ему. Почему-то от этого его глаза становились еще более синими. Как окна, распахнутые в море.

Он вопросительно взглянул на накрытую миску с едой.

– Лорд Лавей принес мне завтрак, как истинный джентльмен.

– Он действительно джентльмен, – согласился граф таким тоном, будто Вайолет назвала лорда сукиным сыном и он был с ней полностью согласен. – Лавей, не забывайте про свои обязанности. – Сухой тон капитана подразумевал, что время, проведенное с мисс Редмонд, может считаться потраченным впустую.

– Конечно, сэр. Я просто решил взять на себя обязанность накормить нашу гостью.

Последовала короткая пауза. Двое мужчин спокойно смотрели друг на друга. Лавей был почти одного роста с графом, но в нем не было высокомерия и нетерпеливости, и, наверное, поэтому ему пришлось глубоко вздохнуть.

Корабль качнулся, и мыло, изящно выскользнув из-под кровати, застыло у ног графа, словно желая присоединиться к разговору. Граф недоверчиво посмотрел на него, наклонился и поднял с пола, потом перевел взгляд на Вайолет, иронично приподняв брови.

Она ответила ему невинным взглядом.

– Она не гостья, мистер Лавей. Она такая же захватчица, как пират или термит, и мы скоро от нее избавимся.

Вот это угроза! Возможно, граф все же решил бросить ее за борт, потому что плохо проспал эту ночь.

Очередная пауза: лица обоих мужчин оставались бесстрастными, но Вайолет заметила, что Лавей несколько удивлен. Ей очень хотелось увидеть, посмеет ли он возразить.

– Термит? – Похоже, это сравнение развеселило предателя.

Но Флинт остался так же суров.

– Естественно, мы окажем мисс Редмонд должное уважение, соответствующее ее статусу, пока она будет с нами, а это продлится до нашего прибытия в следующий порт, то есть два дня, если будет дуть попутный ветер. Полагаю, мистер Лавей, вы пожертвовали к завтраку часть вашей порции?

Почти бесстрастный голос. Однако Лавей был так поражен, что не сразу ответил. Вайолет показалось, будто Флинт хотел его уязвить, хотя она не понимала зачем.

– Я собрал понемногу у всей команды, – спокойно ответил Лавей. – Скажем так, это смесь всех порций.

Очевидная ложь, но Вайолет пришла в восторг и ободряюще улыбнулась Лавею.

– Мы не станем делить порции на части, а вычтем ее завтрак из вашего рациона, – быстро ответил граф, как будто решил насущную задачу.

У Вайолет появилось странное чувство, будто часть разговора велась посредством обмена ледяными взглядами и заключала в себе какую-то личную подоплеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.